П.349

ПИОНЕР

9

П 29
34

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА" 1935.

борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 9

Май 1935

Орган Центрального комитета ВЛКСМ.
Адрес ред.: ул. Горького, 8. Тел. 5-60-76.

САМОХОД

Сделаем самоход из длинной, 400-миллиметровой дощечки (рис. 1). У кормы набиваются с боков два подкоса (по рисунку 2) с дырочками для колесного вала. В вал, в пропилы, вставляется 4—6 или даже 8 лопастей, вырезанных из тонкого дерева и вклеенных в эти пропилы; после вклейки и тщательной просушки вал с лопастями прокрашивается эмалевой краской дважды, чтобы он не рассохся и не расклеился. Один конец вала имеет крючок для завода, который служит также и осью, другая ось—гвоздик, вбитый через дырку подкоса в противоположный конец вала.

На носу ставится блок из двух пробитых дощечек и отрезка круглой палочки — валика (рис. 3). Этот валик на двух гвоздиках должен свободно и легко вращаться. Двигатель самохода—резинка или пучок тонких резинок, которые употребляют авиомоделисты, или несколько круглых резинок, связанных проволочными скобками (как на рис. 1). Один конец резинок укрепляют на гвозде или крючке у самой кормы, к другому подвязывают тонкую бичевку, бичевку перекидывают через блок на носу и привязывают к валу колес. Если теперь этот вал закручивать, навивая на него конец бичевки, последняя начнет растягивать резинку и дотянет ее до самого блока; после этого судно ставят на воду и отпускают вал. Резинка начнет сокращаться, и колеса будут вращаться, начнут «шлепать» по воде. Судно понесется вперед.

Чтобы скрыть всю «механику» судна, из картона или фанеры строят надпалубные постройки в виде коробочек, окрашенных в белую краску, с окнами, сделанными синей краской. Затем ставят трубу и мачту.

Рис. 1.

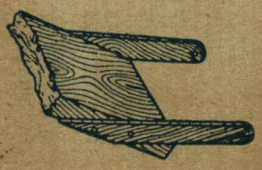
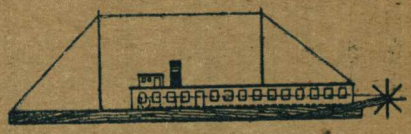


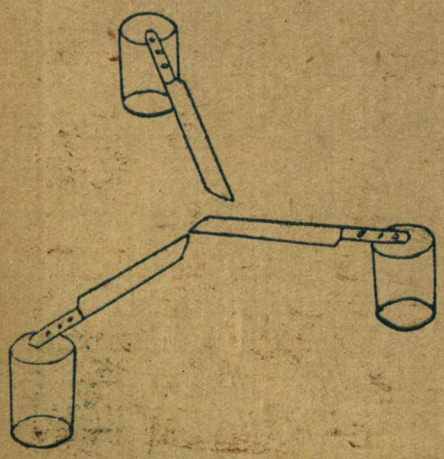
Рис. 2.

Рис. 3.

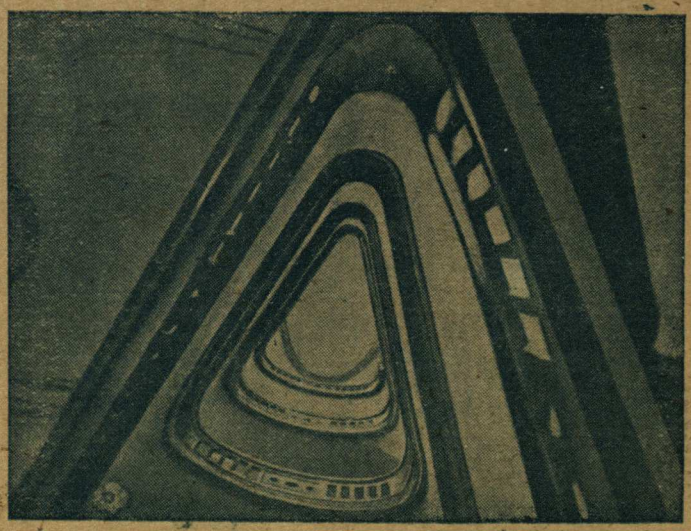


ЗОРКИЙ ГЛАЗ

Тройной мост

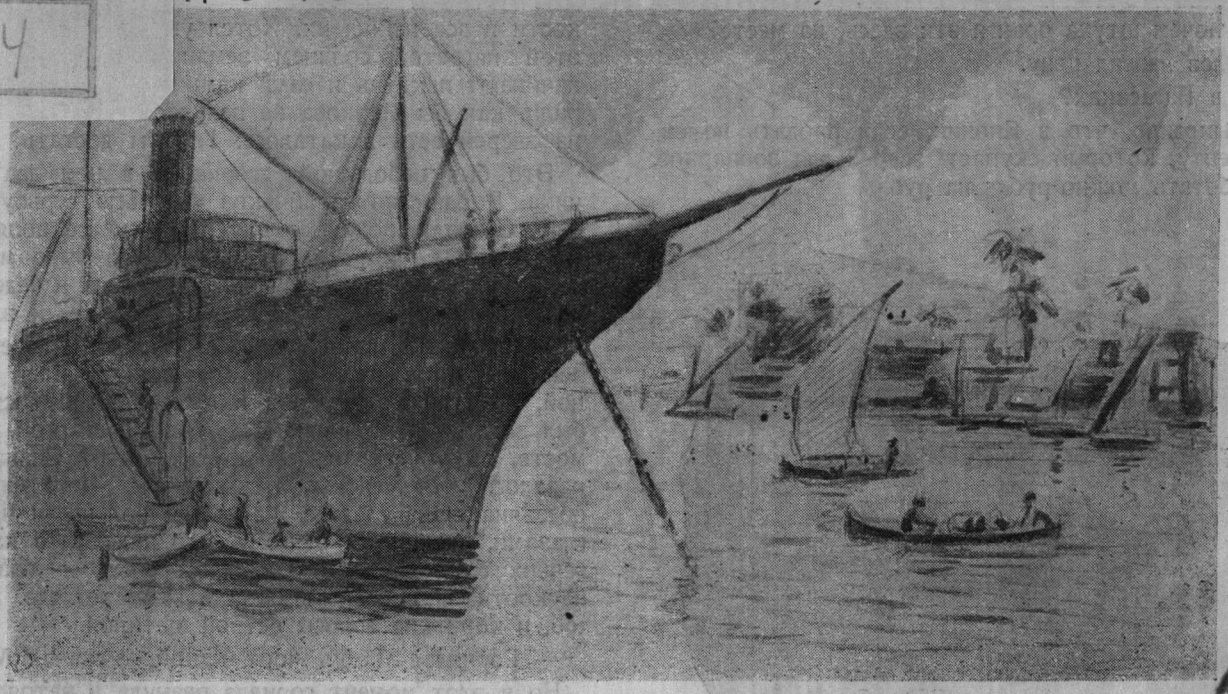


Соедините эти три ножа концами таким образом, чтобы получился мост.



Что это такое?

П 29
34
Т. 349



Гос. Публичная Б-ка Ленинград

Тихон Матвеич

Рассказ Бориса Житкова *Рис. В. Ватагина*

Это было в царское время на грузовом пароходе. Он ходил на Дальний Восток. И все это началось с порта Коломбо, на острове Цейлоне. Это английская колония, а туземное население — сингалезы. Они шоколадного цвета, и мужчины здорово похожи на цыган.

И вот на пароход приходят два сингалеза. Один высокий и статный, другой — пониже, широкий, наредкость крепко сшитый человек. Он-то и говорил, высокий больше молчал. Можно было понять, что он говорит про зверей. Он говорил на ломаном английском языке. Его обступили машинисты. Кто-то грубо спросил, где у него левый глаз. Левого глаза, действительно, не было. Он сказал, что глаз ему выбил тигр.

Они с братом охотники. Ловят зверей живьем и продают в зверинцы. Тигр прыгнул, брат должен был поднять сетку.

— В один миг тигр лапами попадает в нее, а вот ему приходится в это время тигру в пасть засунуть руку. В руке бамбуковая палочка, и если сжать ее в кулаке, то с обеих сторон выскакивают короткие ножики и так остаются торчать. Они вонзаются в язык и нёбо, — сингалез пальцами стал показывать у себя во рту, как становится палочка.—Но если нажать раньше, — палочка не влезет в пасть. А если поставить криво, — пропало все, но уже если удалось, — тигр от боли забывает все. Он лапами хочет выскрести палочку из пасти, лапы путаются в сетке, но тут не зевай: охотники подкуривают его снотворной отравой. Он засыпает, замирает. С ним можно делать что угодно. Они вынимают палку.

— Заливает! Калоши заливает! — сказал Храмцов, старший машинист. Он был атлет и франт. Он франтил мускулатурой и ходил в одной сетке на голом теле, а усики закручивал в острые стрелки. И он мигнул сингалезу нахально и помахал перед носом пальцем. Сингалез показал на груди шрамы. Они как белые восклицательные знаки шли от ключицы вкось к животу. Сингалез был до пояса голый, но казалось, что он в коричневой фуфайке и его закапали штукатуркой.

— Это вот брат не успел, на один всего миг опоздал поднять сетку — и тигр задел его лапой, но зато брат успел выстрелить.

— Сказки! Расскажи еще, как летающих медведей ловил, — говорил Храмцов. Он сделал шагов пять по палубе, но снова вернулся. Сингалез уже говорил про обезьян. Он говорил про оранга. Ловить ездили на остров Борнео. Говорил, что если оранга встретить в лесу и нет ружья, то не стоит пытаться бороться: захочет оранг — и задушит как мышь.

— А велик ли оранг? — спросил Храмцов.

Сингалез показал метра на полтора от палубы.

— А если ему в морду? — и Храмцов замахнулся кулаком. — Бокс, бокс! Понимаешь?

Сингалез улыбался.

Но машинист Марков, многосемейный человек, спросил:

— А почем штука оранги эти здесь, на месте?

Сингалез назвал цену.

— А в Нагасаках?

Да, выходило, что в Японии, если продать немецкому агенту, который скупает зверей для зоопарков, то заработать можно рубль на рубль.

— Дай мне сюда твою обезьяну, так ты у ней зубов не соберешь! — кричал Храмцов и выпячивал грудь. Грудь, действительно, здоровая, и мускулы как живая резина.

— Да брось ты, надо дело говорить, — гнусил Марков и заводил усы себе в рот — это всякий раз у него, как разговор заходил о деньгах. Он пробовал торговаться. Деньги, действительно, большие. Он хмуро оглядел всех и вдруг сказал:

— Айда, покупаю.

— А вдруг сдохнет дорогой? — сказал кто-то.

Марков засосал усы и долго зло глядел на сингалеза.

Но сингалез говорил с братом, потом оба подошли к машинистам.

Они говорили, что пусть поедут посмотрят — есть одна очень здоровая обезьяна. Ух, какая сильная! Не оранг, они ее иначе называли.

*

Решили сейчас же идти на берег трое, Марков четвертым, глядеть обезьян. Увязался и радист Шейкин, совсем молодой, долговязый: он первый раз попал в тропики и ходил как пьяный от счастья. Он все покупал дорогой: маленькие вещи из дерева и из кости и все нюхал их. Хотел увезти с собой аромат этой нагретой солнцем земли, аромат зноя, когда начинают пахнуть и сами камни. А машинисты говорили, как бы Маркова не надул сингалез и что цены на зверей есть в каталоге. Где бы достать?

Это был небольшой дворик, и в нем два сарайчика. В один из сарайчиков ввел всю гурьбу сингалез. Сначала показалось темно — и все попятились. Из темноты раздался рев... Нет! Это было мычанье, каким вдруг начинает орать глухонемой в беде, в отчаянии, в злобе, но голос страшной силы и злобы.

Теперь ясно видно стало: сарай был надвое разделен решоткой, железными прутьями в палец толщиной, если не толще, низ их уходил в помост, верх был заделан в потолок. И там, за решоткой, на помосте, стоял, держась за прутья... кто? Сначала показалось, что человек в лохмотьях. Нет! Огромная обезьяна. Она глядела на людей большими черными глазами, страшными потому, что как будто из человечьих глаз смотрели собачьи зрачки, и пламенная неукротимая ненависть была в этом взгляде. Низкий лоб, и короткие волосы острой щетиной.

— Горилла! Тьфу, чорт какой, — сказал Марков.

Но в этот момент горилла рванула и затрясла эту железную решотку и заорала мучительным ревом с ярой ненавистью. Она в бешенстве старалась укусить себя за плечо и не могла: железный воротник вокруг шеи подпирал эту голову с клыками, голову гориллы. Клетка трепетала в ее руках. Кроме Асейкина все выскочили во двор. Сингалез показывал Асейкину на один прут. Его обезьяна вдолбила в потолок настолько, что он поднялся на полфута над помостом. Нижний конец этого прута был загнут крючком. Это она хотела расширить отверстие, схватила рукой и навернула на кулак. Сингалез об'яснял, что они с братом ездили в Африку, в Нижнюю Гвинею. Они поймали ее в сетку из толстых веревок. Но она все равно их разгрызла бы зубами, изорвала бы в клочья. Они успели ее подкурить своим дурманом, и она заснула. Они надели на нее кандалы и заперли в клетку. Ух, как она вз'ярилась, очнувшись. Она в ярости кусала, рвала зубами свои плечи. Ее усыпили снова, надели ошейник.

Марков ругался на дворе, требовал показать товар, о котором говорилось на пароходе. Это в другом сарае.

Сингалез кивнул на гориллу и весело сказал:

— Бокс! Бокс!

Все вспомнили Храмцова. Но Марков торопил. Люди были отпущены на час.

*

В другой сарай уж не решились войти сразу — через двери глядели. Там, полулежа на рисовой соломе, пузатый оранг искал в голове у другого. Оба оглянулись на людей. Они глядели спокойно, даже с ленивым любопытством. Рыжая борода придавала орангу вид простака, немного дурковатого, но добродушного и без хитрости. Другая обезьяна была его женой.

— Леди, леди, — об'яснял хозяин.

У леди живот был таким же пузатым, как и у ее мужа. Большой рот, казалось, улыбался.

Асейкин захохотал от радости. Он совсем близко подошел. Сингалез его не удерживал. Асейкин уж поздоровался с орангом за руку. Сингалез утверждал,

что обезьяны эти совершенно ручные, что если их не обижать, с ними можно жить в одной комнате.

Все осмелели. Оранг темными глазами разглядывал не спеша всех по очереди.

Марков ругался:

— Это же пара: разделить, так он от тоски сдохнет. И ведь этакие деньги!

Оказалось, не поняли: эти деньги сингалез хотел за пару, он их только вместе и продает.

Марков повеселел. Он заставил сингалеза поднять оранга, провести, он уже хотел как лошади глядеть зубы.

Нет, цена, действительно, сходная. Разговор шел уже о кормежке.

Асейкин без умолку болтал с орангом. Он хлопал его по плечу и переводил свои слова на английский язык.

— Поедешь с нами, приятель. Ей богу, русские люди неплохие. Как звать-то тебя? А? Сам не знаешь? Тихон Матвеич? Слушайте, — кричал Асейкин, — его Тихоном Матвеичем зовут!

Асейкин совал ему банан. Тихон его очистил. Но супруга вырвала и с'ела.

— Не куришь? — спрашивал Асейкин. Тихон взял портсигар двумя пальцами. Асейкин пробовал потянуть. «Как в тисках!» — с восхищением говорил Асейкин. Тихон держал без всякого, казалось, усилия. Он повертел в руках серебряный портсигар, понюхал его. Сингалез что-то крикнул. Тихон бросил на солому портсигар.

Марков ворчал:

— Еще табаку нажрется да сдохнет.

Сингалез об'яснял, чем кормить. Нет! Ничего не понять.

Наконец, решили, что сингалез сам доставит обезьян — Тихона и его леди — и корм на месяц и там покажет на деле, чего и сколько в день давать.

Марков долго торговался. Наконец, Марков дал задаток.

*

Капитан пришел поглядеть, когда Тихон с женой появились у нас на палубе. Капитан бойко говорил

по-английски. Сингалез его уверил, что этих орангов можно держать на свободе. Кормежку — все сплошь фрукты — привезли в корзинках на арбе, на тамошних бычках с горбатой шеей. Сингалез определил дневную порцию. Пароходный мальчишка Сережка успел украсть десятка три бананов и принялся дразнить Тихона. Марков стукнул его по шее. Тихон поглядел и как будто одобрил. Асейкин сказал: «Ладно, что не Тихон стукнул, а то бы сережкина башка была за бортом». Сережка не верил, пока не увидал, как этот пузатый дядя взялся одной рукой за проволочный канат, что шел с борта на мачту, и на одной руке, подбрасывая себя вверх, легко полез выше и выше. Обезьяны ходили по пароходу. Их с опаской обходили все, хоть и делали храбрый и беззаботный вид. Фельдшер Тит Адамович глядел, как Асейкин играл с Тихоном, как, наконец, Тихон понял, чего хотел радист. Тихон взял в руку конец бамбуковой палки, за другой держал Асейкин. И вот Тихон потянул конец к себе, он лежал, облокотясь на люк. Он не изменил позы. Он легко упирался ногой в трубу, что шла по палубе. Да, а вот Асейкин, как стоял, так на двух ногах и под'ехал к Тихону Матвеичу.

— Як он захворает, — сказал фельдшер, — то пульс ему щупать буду не я.

— Тьфу, — сказал Храмцов, — это сила? Что, потянуть? А ну!

Храмцов держал за палку. Он дернул рывком и чуть не полетел — оранг выпустил конец. Храмцов снова бросился с палкой. Тихон поднялся, в упор глядя на Храмцова.

— Бросьте,— крикнул Асейкин.

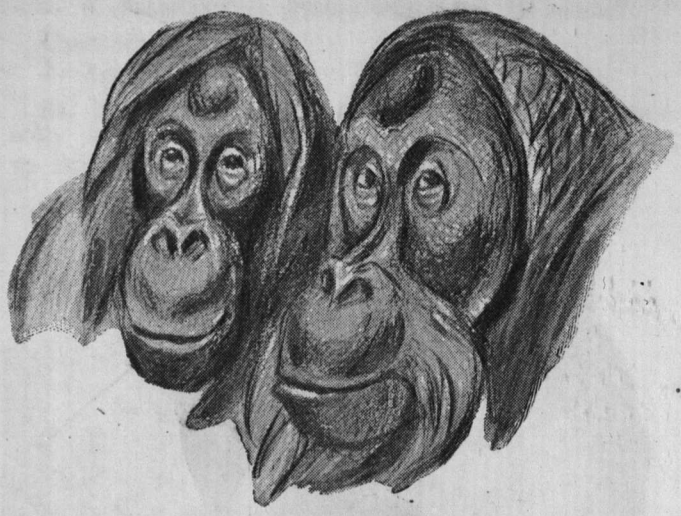
Марков уже бежал крича:

— Ты за нее не платил, так брось ты со своими штуками.

Но Асейкин уже хлопнул Тихона по плечу:

— Знаешь что?

Тихон оглянулся, Асейкин протянул ему банан.



— А я вам говорю, что я из него веревку совью,— говорил Храмцов и, расставив руки бочонком как цирковой борец, важно зашагал.

*

Но фельдшер Тит Адамович накаркал беду. Ночью леди-оранг стонала. Стонала, как человек стонет, и все; искали по палубе, кто это. Стонала она, а Тихон держал ее голову у себя на коленях и не спал. Марков побежал, разбудил фельдшера. Тит Адамович сказал, что можно компресс на лоб, но кто это сделает? Холодный компресс. Но если Тихон обидится? Тихон что-то бормотал или ворчал над своей женой. Марков требовал, чтобы фельдшер дал хоть касторки. Касторки Тит дал целую бутылку, но Марков только стоял с ней около, да и не очень около, шагах в трех, с этой бутылкой.

— Да ты сам хоть пей!— крикнул Храмцов.—Чего так стоишь?

Асейкин сидел в радиокаюте, и к орангу до утра никто не подходил.

Наутро все три компаньона ругали Маркова: обезьянина сдохнет, а Тихон от тоски в воду кинется или сбесится, ну его в болото.

Асейкин один сидел рядом и глядел, как Тихон заботливо искал блох у жены в голове. Он даже хотел помочь, когда Тихон взял жену на руки и понес ее в тень. Какая-то мошкара увязалась еще с берега: Тихон отмахивал ее рукой от больной жены. Леди часто дышала с полуоткрытым ртом, веки были опущены. Асейкин веером махал на нее издали. Но Асейкин просил, чтобы заперли воду, чтобы сняли рукоятки с кранов: оранг их умел открывать. Он, наконец, оставил жену и пошел за водой, это было ясно: он пробовал открыть краны. Он пошел к кухне, возбужденный, встревоженный. Он шел как всегда, опираясь о палубу, но в дверях кухни он встал в рост, держась за притолоку, искал глазами воды. Повар обомлел: он не знал, что собирается делать Тихон, другая дверь была завалена снаружи каким-то товаром, ее нельзя было открыть. Повар боялся, что Тихон обожжется обо что-нибудь или ошпарится — обидится, вз'ярится, и тогда аминь. И повар потерянно шептал:

— Тиша, Тишенька! Христос с тобой, чего, голубчик Тихон Матвеич? Чего вам захотелось?

Но Тихон обвел тоскливыми глазами плиту и стол и быстро пошел к жене. Он носил ее с места на место, искал, где лучше. Но она вся обвисала у него на руках и не открывала глаз.

*

Уже второй день леди ничего не ела, не ел и Тихон.

Храмцов издевался, Асейкин кричал, чтобы не давали пить. Пайщики махнули рукой. Марков один только не мог примириться с неудачей. Он стоял над больной и приговаривал с тоской:

— Такие деньжищи! Да это лучше бы чаю купить этого, цейлонского...

Но вот леди открыла глаза. Она искала чего-то вокруг себя.

Асейкин вскочил. Он понесся к фельдшеру. Назад он шел со стаканом, с граненым чайным стаканом, в нем была вода, а поверху плавал порошок. Тит Адамович шел сзади:

— Не станет она того пить, а стаканом вам в рожу кинет, увидите. Я не отвечаю, честное даю вам слово!

Но Асейкин сказал свое «А знаешь что?» — и Тихон оглянулся. Он сам потянулся рукой к стакану, взял его осторожно и потянул к губам, но леди подняла голову. Она хотела слабой рукой перехватить стакан. Тихон бережно за затылок придерживал ей голову, и она жадно пила из стакана.

Марков причитал:

— Все одно пропадет, только на чучело теперь...

Тихон передал стакан Асейкину, как делал всегда. Асейкин налил воды из графина. Тихон снова споил его жене. Третий стакан — за ним не потянулась, отстранила — Тихон сам выпил. Он пил с жадностью: это был третий день, что у него не было маковой росинки во рту. Мы так и не узнали, чего намешал Тит Адамович, но на другой день леди уже сидела. К вечеру она пошла пешком. Тихон поддерживал ее с одной стороны, Асейкин — с другой.

Храмцов уверял, что Тихону надоест, что Асейкин суется, и шваркнет этого приятеля за борт. Но Тихон, видимо, верил Асейкину, и они втроем прогуливались по палубе. Асейкин пробовал тоже опираться рукой в палубу — все смеялись, конечно, кроме орангов. Асейкин уверял, что он уже кое-чему выучился по-обезьяньи. Он, правда, каркал иногда, но выходило по-вороньи. Обезьяны повеселели. Боцман поговаривал, чтобы Асейкин выучил их хоть палубу скрести, а то сила такая зря пропадает.

— Какая сила такая? — перебил Храмцов. — Это лазать разве? Так он же легкий сам. А если взяться на силу — ну бороться — да врет этот сингалез, заливает, вроде как про тигра. Да я возмусь с вашим Тихоном бороться, хотя бы по-русски, без приемов, в обхватку, да вот увидите.

Храмцов представил, как это он обхватит Тихона, и так это, действительно, приемисто, и так это вздулась, заходила его мускулатура, забегали живые бугры по плечам, по рукам, меж лопаток, что стало страшно за мохнатого, за пузатого Тихона Матвеича с рыжей бородушкой.

— А ну, как Марков будет на вахте, спробуйте, — шопотом сказал боцман.

— А кто ответит? — спросил фельдшер. — Обезьяна-то эта фунтов тридцать стоит, на русское золото — триста рублей.

Но Храмцов сказал, что он-то ведь не обезьяна, так что душить ее насмерть не будет. А что положит, то положит.

И теперь уж шопотком, по секрету от Маркова, все переговаривались, что Храмцов будет бороться с Тихоном, бороться будут по-русски, в обхват, и даже назначили когда. Все ждали развлеченья. Небо да вода, да день в день те же вахты—невеселая штука. **А тут вдруг такой цирк!**

*

Марков только что ушел в машину, когда Тихона привели на бак. Возле носового трюма должна была состояться встреча.

— А он ногой захватит, — говорил Храмцов.

— А сапоги ему надеть, — советовал боцман.

Тихону на ноги надели сапоги с голенищами — это его забавляло. Он любопытно глядел на ноги, и казалось, ему самому тоже смешно. Но Храмцов уже стал его обхватывать, командовал, как завести руки Тихона себе за спину. Тихону все это нравилось, он послушно делал все, что с ним ни устраивали. Пузатый, с рыжей бороденкой, в русских сапогах, на согнутых ногах, он казался веселым, деревенским шутником, что не дурак выпить и народ посмешить.

Храмцов жал, но оранг не понимал, что надо делать.

— Сейчас я ему поддам пару!

Храмцов углом согнул большой палец и стал им жать обезьяну в хребет.

Вдруг лицо Тихона изменилось — это произошло мгновенно — губы поднялись, выставились клыки и вспыхнули глаза. Сонное благодушие как сдуло, и зверь, настоящий лесной зверь, оскалился и вз'ярился.

Храмцов мгновенно побелел, пустил руки. Они повисли как мокрые тряпки, глаза вытаращились и закатились. Оранг валил его на люк и вот вцепится клыками... Все оцепенели, закаменели на местах.

— А знаешь что? — это Асейкин хлопнул Тихона по плечу. И вмиг прежняя благодушная морда повернулась к Асейкину. Асейкин рылся в кармане и говорил спешно:

— Сейчас Тихон Матвеич, сию минуту... Стой, забыл, кажись...

Храмцова уже отливали водой, но он не приходил в сознание.

В лазарете он сказал Титу Адамовичу:

— Это вроде в машину под мотыль попасть. Еще бы миг — и не было бы меня на свете. А как вы думаете: он на меня теперь обижаться не будет?

— Кто? Марков?

— Нет... Тихон Матвеич.

*

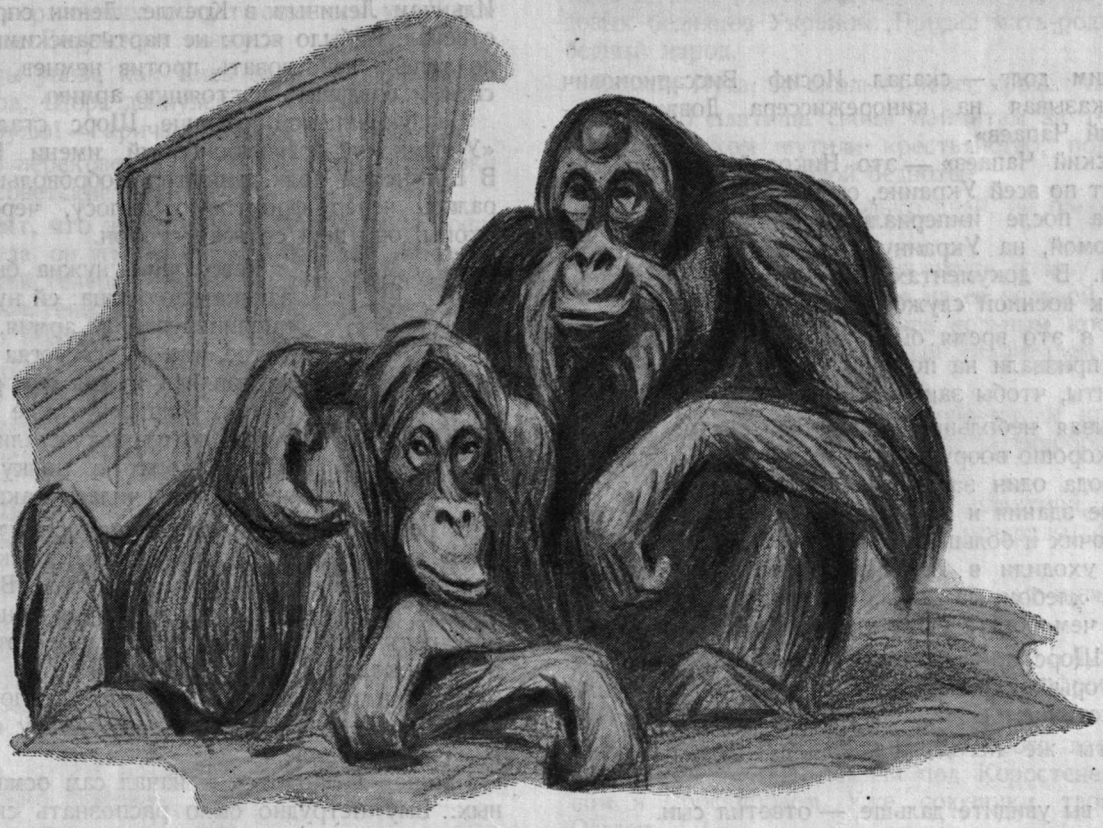
В Нагасаки, на пристани, уже ждала клетка. Она стояла на повозке. Агент зоопарка пришел на пароход.

Марков просил Асейкина усадить Тихона Матвеича в клетку.

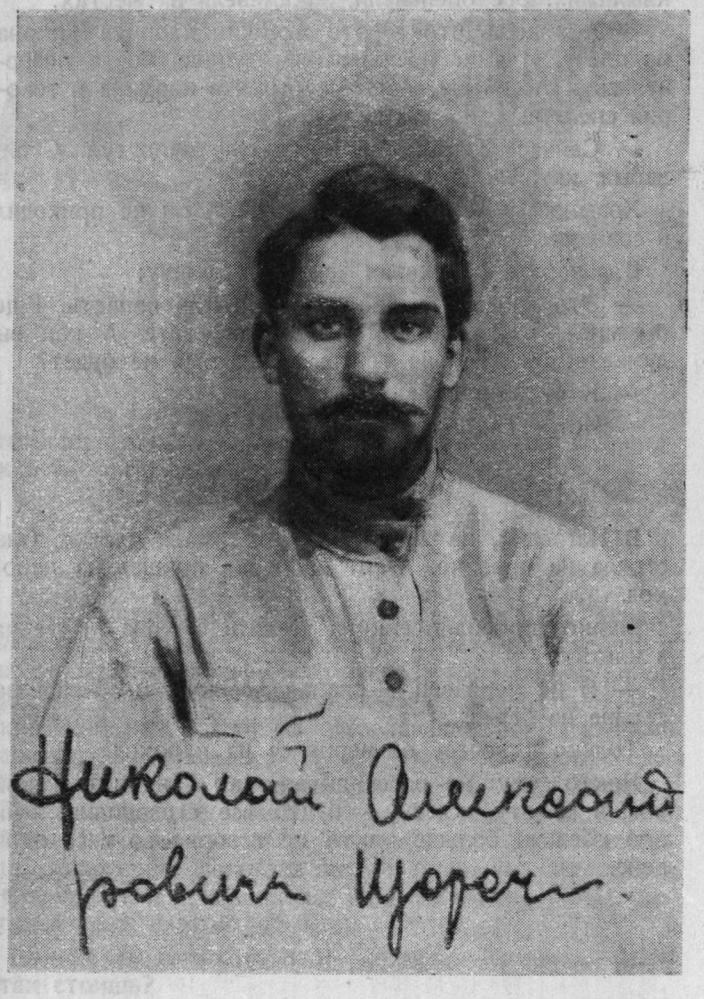
— Я не мерзавец, — сказал Асейкин и сбежал по сходне на берег.

Только к вечеру он вернулся на пароход.

Никто ему не рассказывал, как Тихон с женой вошли в эту клетку — будто все сговорились, — и про обезьян больше никто не говорил во весь этот рейс.



ЩОРС



— За ним долг, — сказал Иосиф Виссарионович Сталин, указывая на кинорежиссера Довженко, — «украинский Чапаев».

«Украинский Чапаев» — это Николай Щорс. Слава о нем ходит по всей Украине, от края до края.

С фронта после империалистической войны Щорс вернулся домой, на Украину, раненый и больной туберкулезом. В документах у него было написано: «Инвалид, к военной службе негоден».

Украина в это время была занята немецкими войсками. Их призвали на помощь украинские помещики и фабриканты, чтобы защищаться от большевиков.

Опрокидывая небольшие красногвардейские отряды, 400 тысяч хорошо вооруженных германских солдат занимали города один за другим. В городах они занимали лучшие здания и вводили военный порядок. Они вешали рабочих и большевиков прямо на улицах. Один за другим уходили в Германию товарные поезда с украинским хлебом, сахаром, скотом, железом — вывозили все, чем богата была хлебородная Украина.

Николай Щорс пришел домой. Ночью, запершись с отцом, который скрывался от немцев, они решили поднять восстание.

— Так ты же негодный к военной службе,— сказал отец.

— А это вы увидите дальше, — ответил сын.

Несколько дней он оставался дома. Кто-то донес немцам, что домой вернулся опасный большевик Щорс.

В дом ворвалось несколько солдат с офицерами.

— Где ваш сын? — спросил офицер.

— Нет никого, — ответила мать,—не знаю, не приходил он.

Ее стали бить — она молчала. Немцы перерыли весь дом. Они пошли на сеновал и штыками протыкали сено. Залезли в погреб, заглянули даже в бочку с капустой... Но не догадались, что в этой самой бочке и спрятан был опасный большевик Щорс, которого они искали.

Капусту заранее переложили в маленький боченок, а Щорс залез в большую бочку. Сестра закрыла бочку кружком, а сверху набросала немного капусты.

Немцы ушли. Ночью Щорс с товарищами ждал поезда в глухом месте, у полотна железной дороги. У него был мешок с бомбами. Показался товарный паровоз. На паровозе — горящий факел. Поезд замедлил ход, Щорс вскочил на паровоз. На паровозе был его отец. Котомку с бомбами он зарыл в уголь на тендере паровоза.

Прошло немного времени. Немцы стали получать неожиданные удары. Какая-то неизвестная красная часть появлялась внезапно, как снег на голову, наносила жестокий удар, отбивала оружие, снаряжение и так же стремительно исчезала.

Это был повстанческий отряд Щорса. За Щорсом шло 300 человек.

*

Прошло несколько месяцев. Щорс и еще несколько повстанческих командиров стояли перед Владимиром Ильичем Лениным в Кремле. Ленин спрашивал. Щорс отвечал. И было ясно: не партизанскими отрядами надо теперь действовать против немцев, а надо копить силы и создавать настоящую армию.

На украинской границе Щорс стал формировать «Украинский революционный имени Богуна полк». В Богунский полк двинулись добровольцы. Они пробирались через фронтовую полосу, через германские окопы, они шли со всех сторон.

Революции нужна была не партизанская вольница: ей нужна была дисциплинированная армия. А время было такое, что не все тогда понимали, что дисциплина нужна и в революционной армии. Нашлись такие «козыри», которые потихоньку стали говорить, что Щорс вводит в полку «старый режим». И случилась такая история.

В полку началась «эпидемия» симуляций. «Эпидемию» подготовил один из бойцов, донской казак, которому не нравились новые порядки. Во время занятий он отпросился в околоток (лечебный пункт), за ним потянулись другие. И вот уже сотни людей пошли в околоток.

Щорс видит: дело неладно, и сам пошел в околоток. Он кончил фельдшерскую школу и кое-что понимал в медицине.

Пришел в околоток и начал сам осматривать больных. Ему нетрудно было распознать симулянтов. Он выставил их на потеху всему околотку. Больные

красноармейцы нахохотались над симулянтами — и «эпидемия» кончилась в один день.

Донской казак, «изобретатель эпидемии», которого с хохотом выгнали из околотка, решил отомстить Щорсу. Он подобрал группу таких же «орлов» и ночью окружил штаб полка.

Группа его осталась за стенами дома, а сам он вскочил в комнату. Щорс в это время сидел за столом и работал.

— Ну кончай, сдавай документы, деньги, печать и молись!

Щорс, не поднявшись даже, крикнул казаку:

— Отправляйтесь сейчас же под арест!

Тогда один из товарищей казака открыл ставню снаружи, всунул голову и крикнул:

— Ты не разоряйся, тебя окружили!

— Что ж, — сказал Щорс, — ладно! Вот возьму только свои вещи и пойдем.

Он вышел в другую комнату и вернулся с гранатой в одной руке и с револьвером — в другой.

Только его увидели дружки, как все бросились врассыпную.

— Эх, сволочи! — крикнул он им вслед. — Как же я с такими воевать буду, если от одного человека разбегаются?

*

В Германии грянула революция, и немецкие солдаты ушли домой. Перед уходом стоявший рядом с Богунским 106-й немецкий полк соединился с красноармейцами. Немцы и богунцы устроили революционный парад, и на этом параде Богунский полк шел еще стройнее, еще четче чем немецкие батальоны: так хорошо выучил Щорс своих партизан. Теперь это были не партизаны, а дисциплинированная Красная армия. Богунцы и немцы питались из одной кухни и вместе пели революционные песни, а когда немецкий полк ушел, немало германских солдат осталось у Щорса добровольцами в Богунском полку.

Только немцы ушли, как Киев занял контрреволюционер Петлюра. Щорс двинулся на Петлюру.

— Бей Петрулю! — кричали бойцы.

Они нарочно перековеркали его имя. Без остановки шли на Киев советские полки.

Петлюра видит, что не остановить ему Щорса военной силой, тогда он пустил слух, что идет неволить Украину царский генерал Щорс. Он рассчитывал, что его армия против генерала будет драться злее чем против советского командира.

Но и петлюровская клевета не остановила Щорса. Он выстраивал тысячи пленных петлюровцев и выходил к ним таким, каким его знали всегда: в красноармейской шинели и простой фуражке с красной звездой, и говорил:

— О це я Щорс!

Пленные видели этого 23-летнего «генерала» и слышали, как он понятным украинским языком рассказывал им про советскую власть, про Ленина, про Красную армию. Пленные слушали, и многие из них, обозленные на Петлюру за то, что он обманул их, подходили к Щорсу и говорили:

— Дядько Микола, примите нас до Червоной армии.

— А правда, хотите послужить революции? — спрашивал их «дядько Микола».

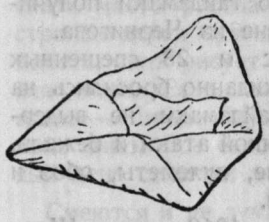
— Правда! — кричали пленные.

— Так идите назад, в петлюровскую армию, расскажите, что видели у нас, и уводите обманутых людей от Петлюры к нам.

Петлюра выслал против Щорса лучшие свои части — «курени (полки) смерти». Но не устояли они против натиска Щорса — и Киев был взят.

*

Пришла весна 1919 года. Щорс — уже командир 1-й украинской советской дивизии. Он гонит Петлюру, занимает Бердичев, Винницу, Жмеринку. Но петлюровские курени прорываются и грозят отрезать дивизию Щорса. Петлюра пишет уже воззвание к богунцам, таращанцам и другим советским полкам.



«Войска директории, — писал Петлюра, — взяли уже Коростень и через два—три дня будут в Киеве. Вы отрезаны. Вас умышленно заманили в мешок. Нам жалко уничтожать вас, потому что вы все же — наши люди; поэтому советуем вам скорее разойтись по домам».

Щорс решил ответить Петлюре, да так, чтобы ответ его знали все петлюровские солдаты. Вот ответ красноармейцев, написанный Щорсом:

«Мы, таращанцы, богунцы и другие украинцы—казаки, красноармейцы—получили твое наглое обращение.

Как в старину запорожцы турецкому султану, так и мы тебе отвечаем.

Был у нас гетман Скоропадский, сидел на немецких штыках, погиб, проклятый.

Новый пан гетман об'явился — Петлюра. Продал бедных крестьян польским панам, заключил с панами помещиками мир.

Продал Украину французским, румынским, греческим щукам, пошел в союз с ними против нас — трудовых бедняков Украины. Продал мать-родину, продал бедный народ.

Скажи, Иуда, за сколько денег продал ты Украину?

Сколько платишь своим наймитам за то, чтоб собачьим языком мутили крестьянство, подымали его против власти трудовой бедноты?

Скажи, предатель! Только знай, не пановать панам больше на Украине!

Мы, сыны ее, бедные труженики, голову положим, а ее защитим, чтобы расцвела на ее вольной земле пшеница, на свободе сжата была вольным крестьянством в свою пользу, а не жадным грабителям, кровопийцам — кулакам, помещикам.

Да, мы братья русским рабочим и крестьянству, как и братья всем, кто борется за освобождение трудящихся.

Твои же братья, польские шляхтичи, украинские живоглоты, — кулаки, царские генералы, французские буржуи.

И сам ты лживый и блудливый как польские шляхтичи: мол, всех перебьем.

Не говори гоп, пока не перескочишь! Лужа для тебя готова, новый пан гетман буржуйский французской да польской милостью.

Не доносить тебе штанов до этого лета... Уж мы тебе хорошо бока помяли под Коростенем, Бердичевом и Проскуровом. Уже союзники твои оставили Одессу...

Освобожденная Венгрия протягивает к нам братские руки, и руки ограбленных панами крестьян Польши, Галиции тянутся к твоему горлу, Иуда!

Прочь от нас, проклятый, подавись, собака!»

*

Отражая натиск петлюровцев, Щорс с боем двигался к Чернигову. За 10 верст до местечка Седнева разведка донесла, что в местечке гайдамаки и что их немного. Щорс приказал начальнику разведки занять местечко. Он был уверен, что разведчики выполнили его приказ; но, под'ехав к местечку, увидел, что разведчики сидят в лощинке, у дороги. Оказалось, что гайдамаки получили подкрепление из Чернигова.

Тогда Щорс и 28 спешенных конников неожиданно бросились на гайдамаков. Гайдамаки не выдержали неожиданной атаки и бежали, оставив оружие, пулеметы, обоз и много лошадей.

31 августа 1919 года Щорс и его товарищ Дубовой приехали в Богунскую бригаду. Под'ехали они к селу Белошицы и стали ходить вдоль линии фронта. Бойцы кричат Щорсу:

— Ложись, ведь вон как хлещет!

А Щорс все ходит по фронту. Петлюровцы же припустили из пулемета, так и поливают. Особенно отличался один у железнодорожной будки: пули прямо рыли землю под ногами. Пришлось лечь.

Легли. Щорс повернул голову к Дубовому и говорит:

— Ваня, смотри, как пулеметчик метко стреляет.

Он взял бинокль и стал смотреть туда, откуда стрелял пулемет. Вдруг бинокль выпал из рук Щорса, и голова его упала на землю.

Дубовой окликнул его.

— Николай!

Не отзывается. Тогда он приподнял ему голову и видит: кровь на затылке. Снял со Щорса фуражку: пуля попала в левый висок и вышла в затылок. Щорс умер...

Бойцы узнали, что умер Щорс. Не глядя на бешеный пулеметный огонь, они бросились в атаку, мстя за своего командира. Первым пошел в атаку 3-й батальон Богунского полка.

Бойцы шли на петлюровцев 25 верст бегом. И 25 раз опрокидывали дивизии Петлюры. Он был смят и разбит.

Потом красные курсанты взяли тело Щорса и повезли его хоронить. Его нужно было похоронить в таком месте, где бы и мертвого Щорса не нашли враги: белые выбрасывали тела большевиков и бросали их на с'едение свиньям и псам.

По всему фронту проехал мертвый Щорс под охраной почетного караула всей Красной армии Южного фронта. Убили его у Днепра, похоронили у Волги, в Самаре.

И, опустив тело Щорса в могилу, курсанты и жена его Фрума Ростова пошли в бой против белых.

Разные маски, изображающие крик.

ЛЮДИ И КУКЛЫ

А. Некрасов

В кино, на экране, иногда происходят удивительные вещи! Вот настоящий, живой человек попал в игрушечную страну Лилипутию, где и люди, и лошади, и дома раз в двадцать меньше настоящих.

Эти крошечные человечки—лилипуты—ходят, разговаривают, ездят на велосипедах, стреляют из пушек... И хотя и видно, что это куклы, а все кажется, что они живые.

Смотришь и думаешь: как же все это устроено? Может быть, куклы заводные? Ведь есть же заводные игрушки, которые и ходят и ездят сами. Но приглядишься—нет, заводные так не могут. У заводных лица неподвижные, а эти и смеются, и сердятся, и плачут. Кажется даже, что каждая из этих кукол думает.

А может быть, это и не куклы вовсе, а настоящие люди, только уменьшенные?

Нет. Живой человек не может так вытянуть шею, как эти куклы. Вот одной куда-то нужно заглянуть, и вдруг шея у нее вытягивается, становится длинной-длинной, как у гуся. И рот до ушей тоже живой человек не растянет, и уши у живого человека не вырастут сразу на глазах у зрителя.

Я видел эту картину два раза, но так и не понял, как все это устроено. Спрашивал кое-кого, все по-разному говорят. И вот, чтоб узнать наверняка, пошел я на кинофабрику, где эту картину снимали. И там режиссер показал мне все, что осталось от Лилипутии. С'емки давно уже кончились. Лилипутские города, дома, заводы—все это разобрано, сложено в кучу, запылилось. А киноактеры-лилипуты лежат на полках, тоже пыльные и неподвижные.

Достали мы одного лилипута с полки, поставили. Он

Момент с'емки: живой артист, куклы уменьшенные.

стоит как деревянный. Да он и есть деревянный, только в тех местах, где у человека суставы, у лилипута устроены шарниры, так что можно как угодно повернуть и руки, и ноги, и шею. Шарниры сделаны тугие: как повернешь, так и останется. Я попробовал повернуть и так и этак, но как ни вертел, ничего не вышло; видно сразу, что никакой силой этого «артиста» не оживишь.

А все-таки оживили, нашли эту силу. Где же она?

Оказывается, в свойстве человеческого глаза. В том, что глаз часто видит совсем не то, что есть на самом деле.

Вот, например, если взять из костра горящую головешку и помахать ею, головешка пропадает, а вместо нее человек увидит светящуюся линию или круг. Все это знают.

Если взять толстую тетрадку, на первой странице, в уголке, нарисовать какой-нибудь рисунок, например человечка с опущенными руками, на второй странице, в том же месте, совершенно такого же человечка, только руки ему чуть-чуть повыше нарисовать, на третьей— еще выше и т. д., а потом, если очень быстро перелистать страницы, покажется, будто человечек взмахнул руками.

На этом свойстве глаза основано и кино. Только в кино, конечно, не рисуют человечков, а снимают живых людей. Снимают очень быстро. Пока человек взмахнет руками, его уже успеют снять раз двадцать. Потом проявляют эти снимки, печатают на прозрачной ленте и при помощи сильного фонаря показывают на экране. Покажут один снимок, закроют фонарь, переставят второй снимок и опять покажут. А на экране получается, что люди движутся как живые.

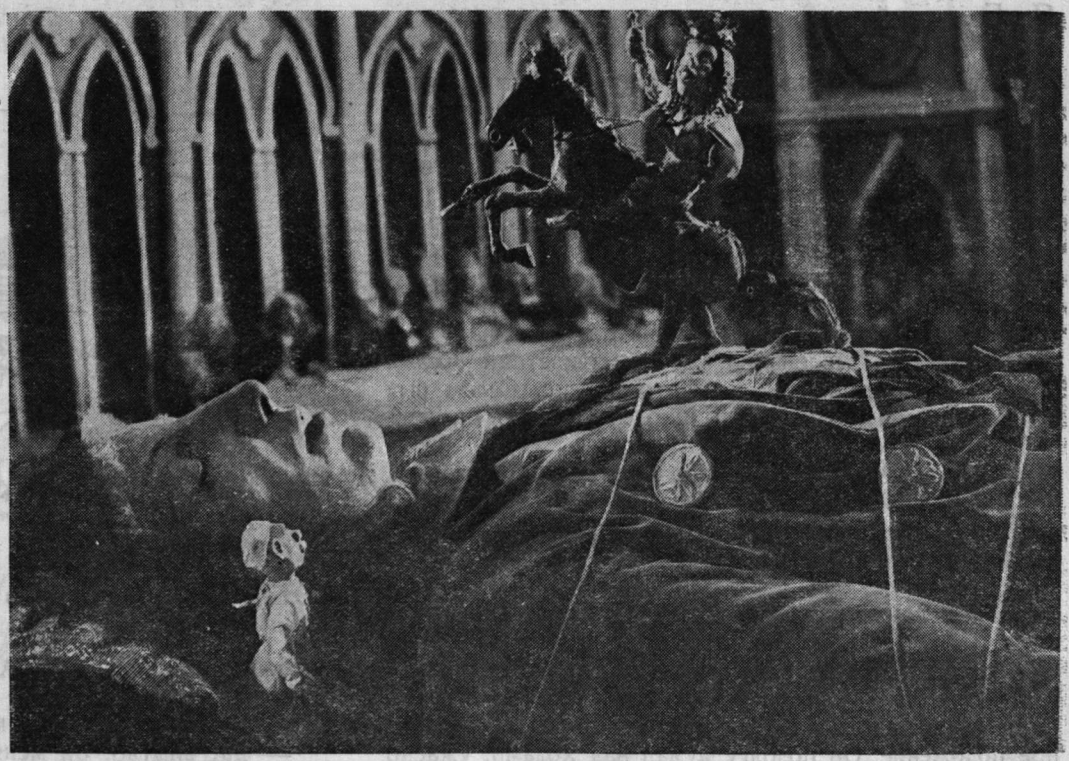
И вот однажды кто-то попробовал не снять, а нарисовать целую кинокартину.

Нарисовал карикатурных человечков. Они и сами по себе смешные, а когда на экране стали двигаться, получилось совсем смешно. И с тех пор стали выпускать много рисованных кинокартин. Теперь во всех странах целая армия художников только тем и занимается, что рисует человечков, зверей, птиц и рыб для кино. Есть, например, одна знаменитая киномышь—«Микки-Маус». Заграницей ее показывают во всех кино. Все ее знают, и сотни тысяч людей каждый день смеются над ее приключениями.

Смеются и не думают, что, для того чтобы «Микки-Маус» на экране вильнула хвостом, надо нарисовать сотню мышей. Конечно, рисуют не прямо на пленке. Это неудобно. Рисуют на бумаге, снимают рисунок, потом кладут на то же самое место другой рисунок почти такой же, только хвост на нем сдвинут на полмиллиметра. Опять снимают, опять ставят новый рисунок и т. д. Для того чтобы «Микки-Маус» «прожил» на экране несколько секунд, его надо снимать целый день.

Но ведь в «Новом Гулливере» никаких рисунков нет. Там все лилипуты, и дома, и улицы совсем как настоящие, только маленькие. Как же их-то снимали?

Вот лилипут. Он сейчас раздет, но его можно одеть. Одели, поставили, осветили, сняли. На снимке выйдет, что стоит лилипут, а нужно, чтобы он шел. Как же это сделать?



Другой момент с'емки: вместо артиста кукла-великан.

Гасят свет, потом одну ногу лилипута чуть-чуть приподнимают и сгибают в колене. Чтобы он не упал, у него на ступне сделана маленькая булавочка; ее воткнули в пол. Опять осветили. Опять щелкнул аппарат. Еще чуть подняли ногу и еще согнули в колене. Опять сняли—и так много раз. На экране лилипут шагнул, на это всего одну секунду нужно, а снимать пришлось двадцать четыре снимка.

Но как сделать лицо? Нужно, чтобы лилипут говорил, смеялся, сердился. А ведь брови у куклы не передвинешь, и рот не откроешь: лицо у нее из глины вылеплено.

Но и тут нашли выход: сделали для каждой куклы не одно лицо, а несколько, вроде масок. Для каждой куклы изготовили специальный штамп и штамповали сразу много масок как кирпичи. Потом скульпторы и художники стали обрабатывать эти маски. У одной, например, сделали рот чуть пошире, а брови чуть повыше. У другой рот еще шире, а брови еще выше. Потом в углах глаз морщинки вылепили, а углы рта кверху подняли. И вот для каждого снимка стали ставить новую маску, а когда проявили и сняли, получилось, как будто кукла расхохоталась.

Но тут новое затруднение. Фильм решили сделать звуковым: чтобы куклы говорили и пели. Чтобы произнести какой-нибудь звук, надо по-разному складывать губы: звук «м», например, не скажешь с открытым ртом, а звук «а» — с закрытым. Пришлось делать особые маски для каждого звука, тоже по нескольку штук, потому что с «м» на «а» сразу не перейдешь: получится скачок. Нужно сделать рот закрытым, потом приоткрыть, еще больше открыть, и так для каждой буквы.

Но и это не все: ведь можно сердито крикнуть «а», или весело сказать «а», или спросить «а?» И каждый раз лицо будет другое. Пришлось сделать маски для каждой буквы—и веселые, и сердитые, и печальные. Много было работы, но справились. И вот на экране куклы ходят, смеются и плачут как живые.

Когда все это сделали, стали снимать картину «Новый Гулливер», по роману старинного английского писателя Свифта.

А в картине сделали так, как будто пионер прочел эту книжку и ему приснилось, что он сам Гулливер. Стали готовиться к с'емке, но вдруг—новое затруднение: если кукол сделать очень маленькими,—трудно будет с ними работать; если сделать большими,—они не будут похожи на лилипутов.

Тогда сделали так: где главную роль играет живой артист и зрители смотрят главным образом на него, там все маленькое: и куклы, и дома, и машины; а там, где главную роль играют куклы, там все вдвое больше, а вместо Гулливера тоже сделана огромная кукла: Гулливер вдвое больше настоящего. Наконец, сделали сотни кукол, тысячи масок, дома, мосты, корабли, все подготовили — и началась с'емка.

Расставили игрушечных артистов, осветили, сняли. Погасили свет—и тут-то и началась самая работа: надо всем сменить лица, подвинуть руки, ноги, повернуть головы, подвинуть кареты, автомобили, велосипеды. Масса работы, а на экране это только одна двадцать четвертая часть секунды. Но вот все переставили, опять осветили, опять сняли. Если сравнить два таких снимка, — кажется, что почти ничего не изменилось, а на самом деле все уже по-новому расположено. От этих крошечных изменений и получается у зрителя впечатление, что все эти куклы живут.

А знаете, сколько таких снимков пришлось сделать?

Сто тысяч! Не даром «Нового Гулливера» снимали два года.

ПИОНЕРСКАЯ ЧЕСТЬ

Я. Бельский

Рисунки Ф. Полищук

Старый Ласкер ходил между двумя рядами столиков. За столиками сидели двадцать пионеров и, уткнувшись в шахматные доски, думали. Серебряная голова чемпиона мира на мгновенье склонялась над партией, затем Ласкер передвигал фигуру или пешку и шел дальше. Он играл улыбаясь, попыхивал своей огромной сигарой и ходил покачиваясь и заложив руки в карманы. Он был старше каждого из своих противников пятьюдесятью годами боевого опыта. И кроме того он был чемпионом мира. Кто этого не знал?

Это знал и маленький, двенадцатилетний Селим Мухрабов, игравший на четвертой доске. Селим был лучшим шахматистом своей школы. Недавно он принес домой шахматы отличной работы.

— Где это ты взял? — спросил удивленный отец.

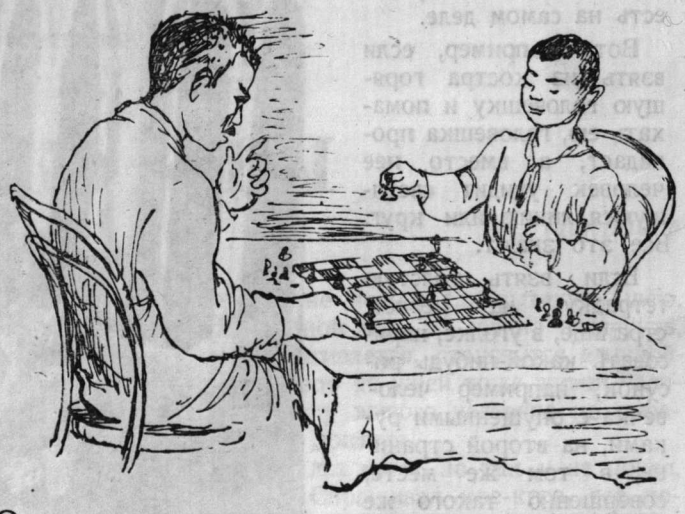
— Это приз, — сказал Селим, — первый приз на школьном турнире. Я вышел без единого поражения...

Отец нахмурил лоб и сказал:

— Ну что ж, давай сыграем. Посмотрим, за что у вас такие призы раздают.

Отец еще ни разу не играл с Селимом. Он не верил, что сын что-нибудь смыслит в этом деле.

Селим начал свою любимую сицилианскую партию. Отец не знал этой партии и скоро попал в стесненное положение. Он подолгу думал над ходами, ужасно боясь проиграть сыну. Проиграть партию — это пустяки, конечно, но все же это было бы уроном для



Отец скоро попал в стесненное положение

отцовского авторитета. А тут еще совсем некстати с работы вернулась мать.

— Ну, кто кого? — спросила она.

— Да, видимо, он меня, — сказал отец, ероша волосы. — Прямо удивительно, какие штуки знает малыш.

Селим молчал. Он спокойно дожимал отца.

Отец потерял ладью и сдался.

В день матча с Ласкером Селим все утро возился с шахматами, заглядывал в книжки, думал.

— Ты куда это с шахматами собрался? — спросил отец.

— В дом вожатых, — сказал Селим, — сегодня я играю с Ласкером.

— С кем?

— С Ласкером.

— Как это с Ласкером?..

— А так — в сеансе одновременной игры на двадцати досках. Я играю на четвертой доске...

— Ну смотри, — сказал отец. — Ласкер-то получше меня играет. Да и ходов там нельзя брать назад...

— А я уже давно не беру,—сказал Селим.

И вот, когда Селим впервые увидел доктора Ласкера в большом зале, он испытал легкий приступ страха. Маленький, с'ежившийся, он сидел за своей призовой доской и ждал.

Ласкер подошел к Селиму и, не думая, сделал первый ход. Он играл сицилианскую партию, которую Селим отлично знал. Селим не торопился и подолгу обдумывал ходы. Он правильно развил игру фигурами и, казалось, очень хорошо вышел из дебюта.

После одиннадцатого хода Ласкер задумался у доски Селима. Он два раза затянулся сигарой, потом потрепал Селима по волосам, улыбнулся и начал размен фигур.

Этого варианта Селим не знал. Он тщетно пытался припомнить те партии, которые он играл по книгам, но в голову приходили только обрывки.

Пионер, игравший с ним рядом, на пятой доске, складывал фигуры. Селим в тумане видел, как доктор Ласкер пожал руку Коле Звягину. Звягин выиграл.

Вот и на первой доске Ласкер сдался. Шесть партий закончил вничью, а Селим все думал. Он мог выиграть у Ласкера слона, но ценой трех пешек. Селим даже не заметил, что уже 12 часов ночи, что он играет один против чемпиона мира. Все сгрудились вокруг них. Доктор Ласкер сел на стул. Он курил сигару. Старому орлу очень нравилось упорство птенца.

Селим взял слона, но плохо рассчитал. У него остались слон и две пешки, а у Ласкера—шесть пешек, из них две проходные. Ну что же, это пустяки.

Если Ласкер проиграл одиннадцать партий,—значит, выиграть у чемпиона мира не так уж трудно.

Ласкер устал. Он отлично видел исход партии.

Он выпустил тяжелый клуб дыма и взглянул на Селима. Мальчик думал. Ласкер улыбнулся и сказал кому-то по-немецки.

— Какой упорный малыш! У меня такое огромное преимущество, а он все играет...

Но Селим не слышал и все равно не понял бы этой фразы. Он ничего не видел, кроме доски.

Шум вывел его из задумчивости. Он поднял голову и увидел портрет Сталина, висевший высоко на стене.

Селиму показалось, что портрет смотрит прямо на него. Селим опустил голову и снова задумался. Он не должен был проиграть и не хотел ничьей.

Он организатор шахматного кружка в школе, победитель турнира. Что скажет он завтра товарищам, если проиграет? Ведь могли же другие выиграть? А он, Селим, не сумел. И снова его мозг начал лихорадочно искать пути к победе.

Он не видел, как к чемпиону мира дважды подходила жена и просила его скорей закончить.

— Мухрабов,— сказал судья матча,— доктор Ласкер предлагает тебе ничью.

— Я несогласен,— сказал Селим.— Я еще подумаю. Удивленный чемпион мира снова сел. Он очень устал и хотел спать. Еще два хода—и слон Селима будет заперт. Тогда пешка Ласкера пройдет в ферзи.

Селим, наконец, понял всю безнадежность своего положения. Теперь он согласился бы на ничью, но ему неловко было предложить. Он поднял голову и встретился глазами с Ласкером. Только теперь он увидел вблизи своего страшного противника, его маленькие глаза, сверкающие умом, и топорщащиеся усы.

Чемпион мира смотрел на своего партнера. Но чемпион мира был философ и кроме того очень хотел спать. Неизвестно, что прочитал он в глазах Селима. Он подозвал судью и что-то сказал ему по-немецки.

— Мухрабов, — сказал судья, — доктор Ласкер опять предлагает тебе ничью... Мухрабов согласился.

Удивленный чемпион мира снова сел. Еще два хода — и слон Селима будет заперт.

КИТАЙСКИЙ ТЕАТР

Б. Ивантер

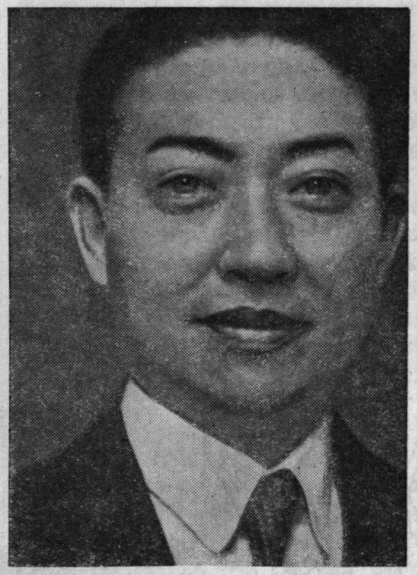
В Москву приехал китайский театр «Мей Лань-фан». В первые два дня москвичи расхватали билеты, и я пришел к закрытому уже окошку: нет билетов, распроданы. Я пришел в редакцию злой, меня стали утешать: «Э, ерунда это все!» Один бывалый человек говорит: «Все равно ничего не поймешь, у них не только язык другой, а и все непонятное: поют, как коты мяукают, а музыка—ой-ой-ой! Все равно до конца не высидишь».

А меня от этих разговоров еще больше потянуло в китайский театр. Думаю: «Какой же это «другой» танец, какая «другая» музыка? Ну, язык не пойму, а танец ведь тоже, должно быть, ногами танцуют! Чего ж тут не понять?»

Уж как я попал, не стану рассказывать: это мой секрет, а все-таки попал. Даже два раза был. Первый раз ночью, после того как все театры кончили работать, в актерском клубе. После спектаклей туда сошлись московские актеры, а к ним в гости приехали китайские. Здесь они и рассказали про свой театр и кое-что показали, только без костюмов.

Я и раньше знал, что театр «Мей Лань-фан» (так он называется по имени его руководителя, знаменитого актера Мей Лань-фана) —лучший театр Китая и что сам Мей Лань-фан — величайший китайский актер.

Но я никак не ожидал, что он произведет на меня такое впечатление. И чем? Маленькими отрывками из пьес, даже не отрывками, а просто отдельными движениями.



Два портрета Мей Лань-фана: в обычном костюме и в женском наряде. Он одевается перед выходом на сцену.

В переполненном зале актеры и режиссеры жадными глазами ловили каждое движение Мей Лань-фана.

Мей Лань-фан играет женщину. Все тридцать лет своей театральной жизни он играет только женские роли. В старом китайском театре нет актрис. Это потому, что в древности женщинам запрещали играть в театре. Так это сохранилось и до сих пор.

Мей Лань-фан в европейском костюме — в пиджаке и брюках. Засвистели флейты тоненькими голосами, запела высоким голосом китайская скрипка — и Мей Лань-фан вышел на сцену. Но это уже

другой человек: он не ходит, он почти танцует. Ему подводят коня, держа его под уздцы. Это воображаемый конь. На самом деле никакого коня нет. Но Мей Лань-фан по-особенному как-то перебрасывает ногу, берет в руки трость — и ты видишь его на коне, не его — ее. Мей Лань-фан сыграл женщину, которая садится на коня, да и не сыграл, а почти протанцовал.

Потом показывали свое искусство его товарищи. Они тоже садились на воображаемых коней, причем уже иначе, чем Мей Лань-фан. Каждая роль имеет свои, совершенно определенные движения. Их тысячи, у каждого движения свой рисунок: вот посадка на коня, вот поклон, а вот движение — его не опишешь даже — называется «облако». Из поколения в поколение актеров передаются эти движения. С раннего детства начинают учиться своему мастерству китайские актеры, и это настолько трудное дело, что если учиться не с детства, то вряд ли выучишься. И пьесы свои они знают наизусть. Мей Лань-фан говорил, что он знает наизусть 200 пьес.

Сцена из пьесы о „Генерале Тигре". Человек с огромной бородищей — это и есть генерал Тигр.

Простое, кажется, дело — сесть на воображаемого коня, а ни один из бывших в зале наших актеров не мог бы повторить его, и не потому, что наши актеры не такие умелые, а потому, что у китайцев другое, свое искусство, непохожее на наше.

У нас есть актеры, которые в пьесах играют, есть такие, что в опере поют, такие, что танцуют в балете, и такие, которые показывают головоломные акробатические трюки в цирке. Китайский актер — певец, танцовщик и акробат в одном лице. В танце один из актеров оторвался от земли, так что ноги его были выше головы. Он вертелся над полом, не прикасаясь к нему ни руками, ни ногами.

На следующий день я был в театре. Открылся наш обычный темный занавес — и сразу стало больно глазам. На сцене висел другой занавес — китайский, ярко-желтый шолковый блестящий. И по всему его огромному полю, от края до края, были вышиты вишневая цветущая ветка и три китайских знака, которые означали «Мей Лань-фан». Опять затянули флейты и скрипки и забил барабан. Занавес поднялся, представление началось.

Это была старинная пьеса: ее сочинили несколько сот лет назад. Театр «Мей Лань-фан» ставит только такие пьесы. Старый солдат, который не был дома 18 лет, возвратился. Его встречает жена, не узнавшая его. Солдат видит мужскую туфлю. Не вышла ли его жена замуж, пока он воевал? Он хочет убить жену, но оказывается, что это туфля его 17-летнего сына, который вырос за это время. Отец обрадован, но вспоминает, что утром на охоте, метя в тигра, он ранил какого-то юношу. Тигр унес его. Не сын ли это? Сын. Отец с матерью отправляются на поиски сына.

На сцену вышел солдат с огромной бородищей. Таких бород не только у китайцев, а даже у айнов не бывает. В руке у него хлыст. Это означает, что он верхом. Солдат слез со своего воображаемого коня. Привязал его к воображаемому дереву, навстречу ему вышла бедная женщина — его жена (жену играл Мей Лань-фан).

И вот забавная вещь: солдат был одет пышно и богато — генерал мог бы позавидовать; жена его — бедная старуха, а на сцене была молодой, красивой, прекрасно одетой женщиной; хижина ее вся была увешана яркими коврами.

В Китае никому и в голову не приходит, что это несуразно, что это непохоже на настоящую жизнь. Для того чтобы показать, что женщина бедная, на богатое платье актера нашивают несколько белых треугольников: они означают заплаты. Все зрители так уж и знают: раз заплаты — значит, бедная; раз трость в руке — значит, человек верхом на лошади; нагнулся и перешагнул через порог — значит, на сцене дверь. Это ничего, что двери нет: ведь это игра!

На сцене перед нами была несчастная женщина, потерявшая сына. Никто не сомневался, что это мать: такое настоящее было ее горе, так убедительно играл Мей Лань-фан. Когда муж посадил ее на круп своего коня и родители ускакали на несуществующем коне на поиски сына, весь зал поверил этому, и все зрители как один стали аплодировать замечательному искусству Мей Лань-фана.

В Китае очень любят театр. Из города в город, из деревни в деревню ходят там бродячие театры. Деревенская беднота отдает последние медяки, только бы попасть на спектакль.

Рассказывают, что одна женщина-крестьянка услышала, что в соседней деревне дают спектакль. Дело было под вечер, вот-вот спектакль начнется. А на руках у нее был ребенок. Вот она, как была с ребенком, не разбирая дороги, побежала в соседнюю деревню, сначала женщина бежала полем, а потом попала на бахчу. По бахче бегать неудобно: арбузы мешают. Она споткнулась, уронила ребенка, подняла и дальше побежала.

Поспела, наконец, смотрит представление, а ребенок — умный такой — не плачет, молчит. Кончился спектакль. Женщина видит, на руках у нее не ребенок вовсе, а арбуз. Ребенок-то на бахче остался.

Этот анекдот рассказал в актерском клубе профессор Чжан — директор китайского театра.

Почта Тут-Итама

Москва

Один голубевод рассказал нам, как он приучил голубя доставлять письма из одного села в другое и обратно.

В одном селе, на голубятне, он давал голубю только корм, а в другом селе, на другой голубятне, он давал ему только воду. Вот голубь поест в одном селе и летит в другое село пить. Так и летает от села к селу.

Вот как можно сделать голубя почтальоном! Подробно о голубях-почтальонах прочтешь в этом номере, в рассказе «Крылатые почтари».

Письмо Юры Розена

Летом прошлого года, в один теплый, солнечный день, ко мне на окно прилетели шесть голубей. Я насыпал на подоконник хлебных крошек, и они их с'ели. С тех пор ежедневно они прилетают ко мне, а я кормлю их и любуюсь. К сожалению, они очень пугливы, и мне не удается их взять в руки и как следует рассмотреть. Но все же я рассчитываю, что с наступлением лета мне это удастся и я сумею еще больше приучить их.

Однажды прилетел седьмой голубь с кольцом на лапке. Я очень хотел снять с него эту ношу, но мне никакими хитростями не удалось заманить его к себе в руки. С тех пор он больше не прилетал ко мне.

Москва

Письмо Жоры Драгунова

У нас во дворе есть дерево. На него мы повесили все наши скворечни. В некоторых скворечнях постелили пух, а пух выдрали из подушек и тюфяков. Самая лучшая скворечня — это домик на две семьи скворцов. Домик разделен на две части: первая для птенцов, вторая для больших скворцов.

Вход в этот домик круглый. Чтобы взрослые скворцы не раскидывали пух из скворечни, мы поверх пуха постлали марлю, а концы ее приклеили к стенкам. Вокруг домика мы прибили фанерки.

Раньше наши ребята любили из рогаток подстреливать птиц, а вот 6 апреля мы торжественно сожгли все рогатки у меня в печке.

У нас есть друзья на окраинах Москвы (в Покровско-Стрешневе, Всесвятском, в Петровском парке и т. д.). Каждый год, как только прилетают птицы, они звонят нам, чтобы мы могли их встретить.

Село Бортниково, Московской области

Письмо Юры Золотова и его товарищей

Эту зиму, в начале марта, я с двумя товарищами собирал еловые шишки. Вышло это так.

Пришел я в школу перед занятиями. Ко мне подошел Костя Мартынов и говорит: «Лесничий вчера говорил, что лесничеству шишки нужны, на посадку весной пойдут. Только с деревьев снимать. Я собирать буду, и платят даже за них. А ты пойдешь?»

Я мотнул ему головой: ладно, мол, пойду. На перемене к своему товарищу из нашей же деревни подошел, ему сказал, тот тоже сказал, что пойдет. После уроков в деревню пришел и здесь рассказал. Мне уже и пройти домой не дают, расспрашивают, тормошат. Я растолковал. Собирать, где хочешь, можно: в лесу шишек много. Вечером погулял и спать лег.

Утром встал рано, позавтракал, чаю попил, за товарищами зашел, в лес пошли. Утро морозное, ясное. Шли весело, следы разбирали, потом «Партизанскую» грянули. Песня по лесу здо-

рово раздается! Наконец, дошли, мешки положили, внизу ребят поменьше оставили, чтобы шишки собирали, а сами на елки полезли. Топоры прихватили, чтоб сучья сухие срубать.

Шишек много, особенно на маковках, ну туда мы не полезли, а то ссыпешься. Часа за три шишек мы накидали мер десять. Ребята внизу умаялись, вспотели, им-то трудно: все вниз нагибайся, поясницы у них заболели. Слезли и мы. В мешки шишки насыпали, на санки взвалили.

Вдруг васькин брат нам кричит из-за кустарника:

— Ребя-я! Заяц! Лови!!!

Мы кинулись, и, правда, по просеке косой удирает, да так, что пуля не догонит. Шурка шишкой запустил, да не попал, конечно. Приехали домой, пообедали и повезли шишки к сторожу, на хутор. Ехали проселком, а потом на шоссе выехали, санки поочереди тащили. Наконец, приехали на хутор, к лесничему — стали шишки с саней носить во двор. А во дворе шишек куча большая-большая. «Ваши шишки, ребята, смерить надо». Наши шишки сухие, хорошие были. Смерил лесничий мерой шишки и сказал, что у Васьки Титова 14 мер. Он два дня собирал, у Юрки Золотова 7 мер, а Шурка Разин 6 мер насбирал. Мы с получкой со своей в село Обольяново пошли. В лавку сходили, пряников купили, подсолнухов, карандашей, тетрадей, а остальные домой снесли, папаньке да маманьке, не все же нам.

Вот мы как шишки собирали: и семье выгода и стране тоже. Посадят эти семена в землю, из них ели да сосны вырастут, одни на стройку пойдут, а другие заграницу, а из заграницы пароходы, машины на обмен за лес привезут.

Писали: Юра Золотов, Титов Вася, Разин Шура.

Пенза

Знаете, ребята, какой вред причиняют волки? До революции за один только год они с'едали больше 1 миллиона коров, овец и других домашних животных.

На волков устраивают облавы. Место, где водятся волки, окружают загонщики с трещотками в руках. Шумом и треском они нагоняют волков на охотников, а охотники стоят за деревьями. Как набежит на них волк, так они и стреляют. Зимой охотники надевают белые балахоны, чтобы их не видно было на снегу. Чтоб участвовать в облавах, надо быть очень ловким, смелым и метким стрелком.

Вот почему охотники за каждого убитого волка получают премию.

Письмо Сережи Саврасова

Из жизни животных можно рассказать такие случаи, которым трудно поверить. Вот один такой случай — действительный факт, происшедший в одной из деревень бывшей Пензенской губернии. Недалеко от леса стоит деревня. Зимой голодные волки очень злы и в поисках пищи не брезгуют даже собаками. Они заходят на улицу в деревню.

Однажды был такой случай.

На завалинке одной избушки сидела собака и сторожила ее. Вдруг она заметила бежавшего по улице волка и начала лаять.

Волк же, почуяв добычу, бросился на собаку. А та взвигнула и с испугу со всех ног бросилась в окно, сломала переплет рамы и очутилась в избе. Вслед за собакой в проломанное окно стрелой влетел и волк.

Хозяин в это время плел кули, а хозяйка готовила ужин.

От такого неожиданного появления гостей хозяин остолбенел, но быстро сообразил, в чем дело, и запустил в волка челноком, которым кули плел.

Волк, оглядевшись, моментально выпрыгнул обратно.

А собака от страха забилась под кровать, и ее пришлось вытаскивать оттуда за хвост.

Горький

Собирать марки действительно интересно и полезно. В Белоруссии живет Боря Бурдо. Он тоже собирает марки. И они так его заинтересовали, что ему во что бы то ни стало захотелось прочесть надписи на заграничных марках. Он стал учиться иностранным языкам и теперь может не только прочесть надписи, но и немножко говорит на иностранных языках.

Письмо Вовы Куцыгина

Дорогие товарищи! Я собираю марки и открытки. Марки я собираю с 1-й группы. Некоторые ребята тоже собирают марки и показывали мне свои коллекции. Сначала я плохо разбирался в марках. Но современем я стал хорошо разбираться в них. Сейчас у меня 1000 штук марок разных стран. Собирать марки интересно и полезно. Несколько слов об истории марок.

Первые марки появились во Франции в 1653 году, но они существовали недолго. Только почти через 200 лет в Англии, в 1840 году, выпустили настоящие почтовые марки. Через три года марки появились в США, Швейцарии, Бразилии. Затем марки распространились по всей Европе. Марки в России появились в 1845 году для Петербурга и Москвы. Кроме почтовых марок были еще и земские марки.

Появились марки, появилась и страсть к собиранию марок, появились и общества коллекционеров.

БУТЫЛКА

Б. Урнис *Рисунки Б. Берендюфа*

Рано утром Али-Мардан спустился с горы и неподалеку от губернаторского дома остановился ждать конку.

Конки не было, и он волновался. Где же она? И тут ли он встал? Он нанялся вчера подручным печника Ажоткина и сейчас торопился на работу в Черный город на постройку масленого завода.

Он с беспокойством посматривал в конец улицы, на губернаторский дом, на прохожих. Все это он видел вблизи первый раз в жизни. Вот уже два года, как он живет на горе, над городом, а в городе еще не был ни разу. Да и некогда было! Он работал в бондарной мастерской, у круглой пилы: утром пилил, днем пилил, вечером тоже пилил, а ночью спал. Вот и все! Да здесь все не так, как там у них, на горе. Здесь и дома красивые и люди нарядные, чистые. А на горе сакли из глины. Кругом грязь. И народ на горе и грязный и нищий: тюрки, армяне, персы, осетины и русские. И все это или пропитанные нефтью оборванцы-рабочие или такие же оборванцы-бондари.

На горе почти в каждой сакле бондарная мастерская. И весь день такой грохот на улицах! И сколько этих бочек там делают! И все для керосина, который куда-то каждый день увозят из Баку.

Показалась конка. Али-Мардан заволновался и вдруг вспомнил, как учили его мать и старший брат, как садиться в конку и как разговаривать с начальством.

«Заговорят с тобой, а ты в глаза смотри и слушай. Да шапку-то не забудь снять. А как кончат говорить, так ты руку прижми к сердцу, вот так, и поклонись. Спросят о чем—отвечай вежливо и опять поклонись. На пол не сморкайся. Нос-то и шапкой можешь утереть».

Подошла конка, Али-Мардан пропустил вперед всех ожидавших, поднялся на империал, сел и положил руки на колени.

Конка повернула в узкую улицу, и вот уже блещет море. С горы оно красивее и больше. У пристани пароходы. Ух, да они вон какие громадины! А с горы-то они как игрушечные! И что за люди ездят на пароходах? Вот бы тоже поехать.

Конка остановилась недалеко от Черного города. Али-Мардан слез и пошел, расспрашивая прохожих, как пройти к постройке завода. Ему говорили, он прижимал руку к сердцу, и кланялся, и чувствовал, что все делает правильно. И даже жалел, что его не видят сейчас ни мать, ни брат. Они были бы очень довольны.

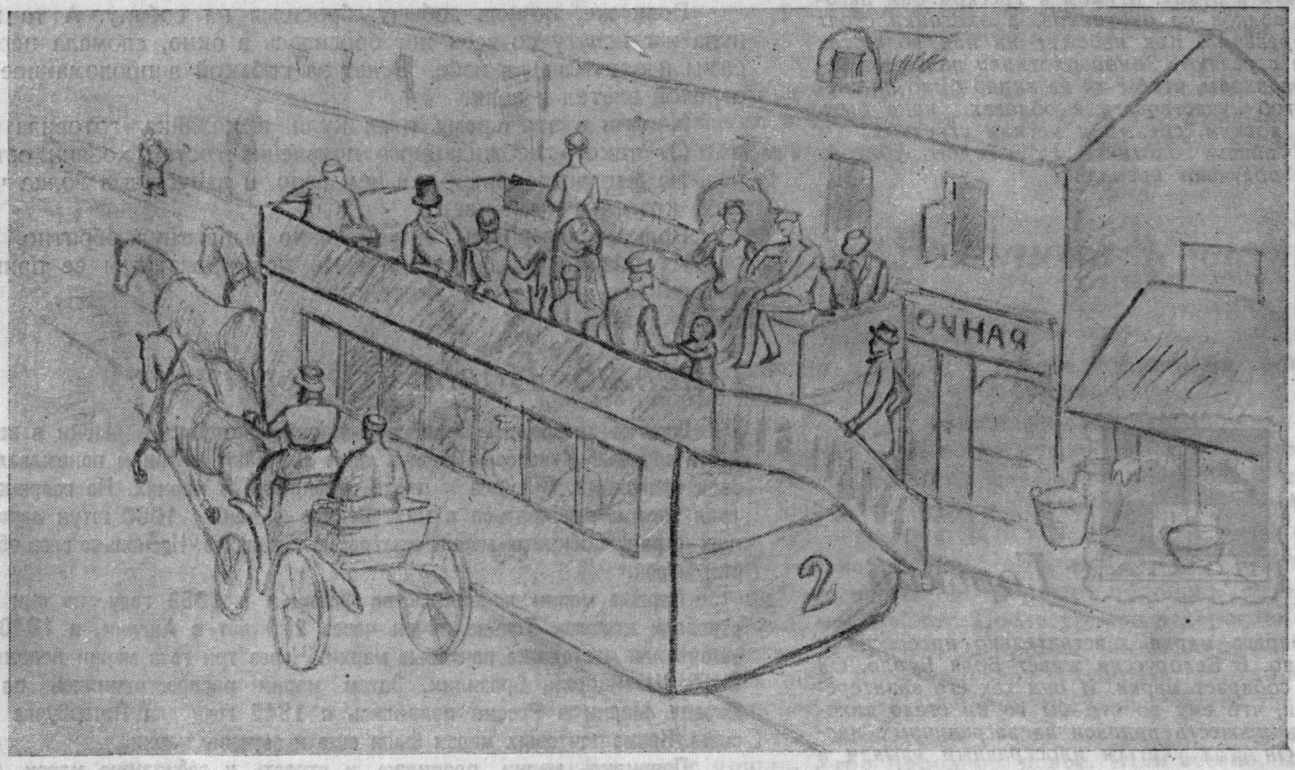
Черный город—это та часть Баку, где построены нефтеперегонные заводы. Здесь днем и ночью копоть густым душным облаком висела над заводами и улицами. Дома и окна—все почернело от копоти. Кругом ни деревца. Они не росли здесь, да их и не пытались сажать. Посреди улицы ехали вереницы арб, шли караваны ишаков, нагруженных бурдюками с нефтью. Нефть текла по бокам ишаков, и бока блестели как хорошо начищенные сапоги.

Вот груды кирпичей, цементу, песку. «Уж не это ли постройка масленого завода?» Так и есть. Али-Мардан отыскал печника Ажоткина и принялся было за работу, как вдруг его увидел десятник и крикнул:

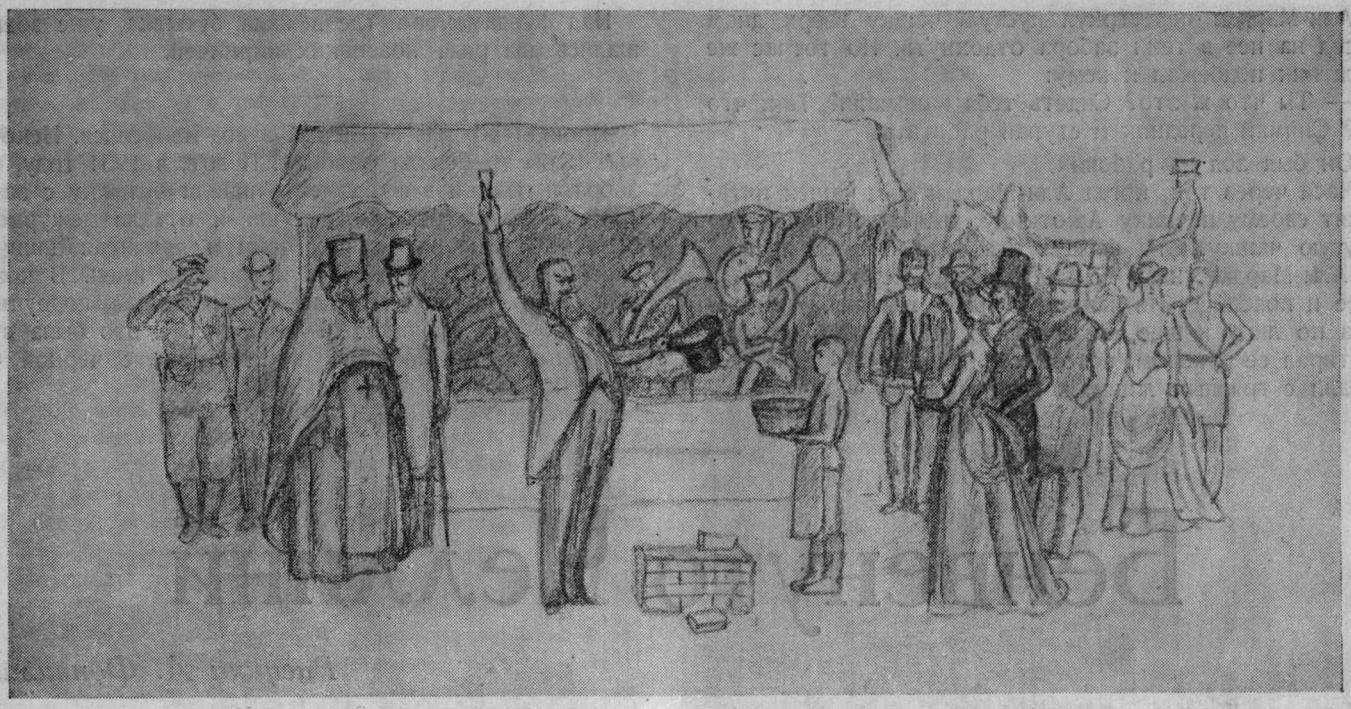
— Мальчик! Поди-ка сюда! Ты что? Работаешь у нас?

Али-Мардан вежливо ответил «Да» и поклонился.

— Так вот слушай-ка: нынче у нас будет торжественная закладка. Понимаешь? Господа приедут. Молебен будут служить. И тебе тоже дело будет. Как приедут господа, ты возьми вот эту чашку с глиной и сиди вот тут, у забора, а как я дам тебе знать, так ты



Подошла конка . . .



Инженер поднял бокал и сказал: „Господа, вот мы закладываем новый завод . . . "

чашку на голову — и к господам. Подбеги, улыбнись, чашку сними с головы и держи в руках навытяжку, и руки чтобы не сгибались. Вот так! Понял? Из чашки господа вот этой лопаточкой будут глину брать, а ты все держи и держи, пока тебе не скажут «Довольно!» Понял? Давай-ка сейчас все это проделаем. Не дай бог, если напутаешь! Ну бери чашку и садись у забора.

Али-Мардан взял большую деревянную чашку, наложил в нее тяжелое месиво и сел у забора. А десятник встал у фундамента, где, по его расчетам, должны были встать господа, принял важную господскую позу и подал знак Али-Мардану. Али-Мардан вскочил, вскинул тяжелую чашку на голову и побежал к десятнику. Эта часть церемонии ему далась без труда, но когда он снял с головы чашку, и поднес ее на вытянутых руках к десятнику, и улыбнулся, десятник вдруг обозлился.

— Не так! Чего ты щеришься? Гы! Улыбаться надо, а ты только зубы скалишь. И руки дрожат. Не годится! Давай сызнова!

Но руки попрежнему быстро слабели и начинали дрожать. С улыбкой тоже ничего не выходило. Так репетировали двадцать раз. Али-Мардан совсем ослаб. Десятник сказал:

— Хватит! Ступай отдохни.

Дал ему новый белый передник:

— Да глину-то соскреби с ботинок! А когда улыбаться будешь, так подумай о чем-нибудь смешном. Улыбка в акурат и выйдет.

Господа приехали в полдень. Собрались рабочие. Десятник суетился и, пробегая мимо Али-Мардана, сидевшего у забора, грозно шевелил усами.

— Чтоб как следует! Понял?

Священник, с длинными седыми волосами вынул из узла золотую ризу, надел ее и запел громким голосом. Али-Мардан был настороже, готовясь каждую минуту по знаку десятника выбежать из засады, но десятник знаков не подавал.

Молебен кончился. Десятник махнул рукой, Али-Мардан поспешно подбежал с чашкой к господам и улыбнулся.

— О-о! Смотрите, какой силач!—сказал какой-то господин в светлом костюме. — Такую чашищу — и на вытянутых руках. Молодчина! Поставь пока чашку на землю.

Десятник заулыбался и подмигнул Али-Мардану. Господин в светлом костюме вынул из кармана пиджака бутылку, карандаш и стал писать на листке бумаги имена всех господ. Потом он улыбнулся и спросил Али-Мардана:

— А тебя как звать? Али-Мардан? Чудесно, а как титуловать?

— Подручный печника, ваше сиятельство!—ответил за Али-Мардана десятник.

— Отлично, так и запишем.

Господа засмеялись. «Его сиятельство» свернул записку трубочкой и сунул в бутылку, а бутылку положил на фундамент между двух кирпичей. Десятник подал знак: Али-Мардан схватил чашку, поднес к господам, и вот они поочереди брали лопаточкой глину и бросали на бутылку. Десятник опять подал знак: Али-Мардан с пустой чашкой побежал обратно к забору; он был очень доволен, что все обошлось благополучно.

Потом уже сам десятник на вытянутых руках держал перед господами поднос с бокалами и бутылками, обернутыми белой салфеткой. Бутылки пенились. Господа наливали бокалы и размахивали ими, кричали «ура» и пили.

Инженер с седой бородой поднял бокал и сказал:

— Господа, вот мы закладываем новый завод. Пройдут десятки лет. Многих из нас уже не будет в живых. Завод одряхлеет, но бутылка расскажет нашим потомкам о тех, кто сегодня, в 1881 году, делал все, чтобы поднять нашу отечественную нефтяную промышленность.

Речь понравилась господам, и они зашептались. Десятник знаками приказал Али-Мардану снять шапку. Али-Мардан покраснел, снял шапку и уже больше в этот день ее не надевал. Господа сели в коляски. Десятник суетливо замахал рукой рабочим и закричал: «Ура!» Потом еще раз крикнул, но рабочие молчали. Коляски тронулись. Десятник подбежал к Али-Мардану и велел кричать. И вот они вдвоем кричали: «Ура! Ура!» А рабочие отвернулись и смеялись.

Али-Мардан перевернул пустую чашку вверх дном и сел на нее в тени забора отдохнуть. Но тотчас же десятник подбежал к нему:

— Ты что ж это? Сидеть тебя нанимали? Так, что ли? Снимай передник и ступай работать.

Он был зол на рабочих.

Часа через три, когда Али-Мардан снес чашек пятьдесят своему печнику Ажоткину, десятник принес ему другую чашку. Она была в два раза больше первой, и Али-Мардан, неся ее на голове, чувствовал боль в шее и пояснице. Из чашки сочилась грязная вода, текла по лицу и шее, за шиворот. Али-Мардан сначала вытирал ее рукавом, потом ему надоело — и он так и ходил с грязным лицом и шеей.

Над фундаментом, где лежала бутылка, уже возвышались два ряда новеньких кирпичей.

Прошло 50 лет. Масленый завод износился. Некоторые кубы требовали ремонта. И вот, в 1931 году, разобрали печи и в фундаменте нашли бутылку с запиской. Записку рабочие прочли и отдали дежурному инженеру. Инженер вынул очки и прочитал длинный список когда-то известных и громких имен. В конце списка значилось и его имя—«Али Мардан, подручный печника». Он прочитал и улыбнулся. И это была вторая улыбка Али-Мардана при встрече с черной бутылкой.

Бенвенуто Челлини

Рисунки А. Фонвизина

Бенвенуто Челлини — знаменитый скульптор и ювелир. Он жил в Италии 400 лет назад. Жизнь его полна самых разнообразных приключений. Он сам описал ее в замечательной книге, которая называется «Записки Бенвенуто Челлини». Ученые утверждают, что «Записки» Челлини знакомят нас с жизнью, с людьми и нравами Италии XVI века полнее и ярче чем многие исторические документы. Вот отрывки из этих «Записок». Начало прочтите в № 5—6 журнала «Пионер».

Бенвенуто в Риме. Он исполнил просьбу отца: записался музыкантом в Капеллу папы. Но флейта— это только необходимость, а все его думы и помыслы попрежнему прикованы к любимому делу — к скульптуре, к вазам с прекрасным рельефом из листьев, цветов и зверей.

Он получает заказы один за другим. Вот сам саламанкский епископ заказал ему сделать роскошную вазу — с листьями, зверями и масками.

«Я всячески старался скорее окончить вазу, начатую для епископа саламанкского. Епископ был очень богат и взыскателен; он каждый день присылал ко мне узнать, много ли сделано. Всякий раз, как посланный не заставал меня дома, епископ приходил в бешенство, говоря, что отымет у меня работу и отдаст ее другому. Проклятая музыка была всему причиной. Однако ж, занимаясь день и ночь, я привел вазу в такое состояние, что мог вчерне представить ее епископу.

Спустя три месяца я ее окончил совершенно. Ваза была украшена бесчисленным множеством красивых животных, листьев и масок. Я послал Паулино, моего ученика, показать ее Луканьоло. Мой красавец Паулино со всею прелестью своих грациозных манер сказал:

«Луканьоло, Бенвенуто просит вас взглянуть на его безделку; он надеется, что вы пришлете ему показать что-нибудь из ваших работ». Луканьоло взял вазу в руки и, рассмотрев ее внимательно, отвечал:

«Милое дитя мое, скажи своему хозяину, что он великий мастер. Прошу его возобновить старую дружбу, а о прошедшем ни слова». Паулино был очень доволен успехом и отнес вазу к епископу, который захотел оценить ее. Луканьоло был в числе оценщиков. Он очень хвалил работу и оценил ее так высоко, как я и не ожидал. Епископ, рассматривая вазу, сказал со своей обычной испанской манерой:

«Клянусь богом, я заставлю Бенвенуто дожидаться платы столько времени, сколько он заставил ждать меня». Узнавши об этом, я проклял Испанию и всех, кто ее любит. В числе прекрасных украшений вазы было одно цельное ушко, сделанное весьма нежно, оно посредством пружины выскакивало прямо поверх отверстия. Епископ, желая перед своими соотечественниками похвастаться вещью, часто показывал им вазу. Однажды случилось, что кто-то из посетителей во время отсутствия саламанкского епископа как-то неловко схватил вазу за ушко: нежная пружина лопнула.

Желая как можно скорее поправить свою неосторожность, этот почтенный господин тотчас послал ко мне вазу, обещая за скорую поправку какую угодно плату. Часа через четыре посланный прибежал ко мне запыхавшись и потребовал вазу.

«Скажи своему господину, что я требую платы за работу, без чего эта вещь не выйдет из моих рук». Дворецкий саламанкского епископа начал грозить мне, потом заклинал всеми святыми и, наконец, отчаявшись в успехе, поклялся привести с собой толпу испанцев и изрубить меня в куски. Я знал, что они могли это сделать и решился защищаться храбро; приготовляя превосходный карабин (который служил мне во время охоты), я думал про себя:

«Должен ли я щадить жизнь того, кто силой отымает у меня имущество и плоды моего труда?»

В это время показались испанцы. Дворецкий громко приказывал им ворваться ко мне, взять вазу и отколотить меня палками. Я выставил заряженный карабин с горящим фитилем и закричал:

«Разбойники! Воры! И вы смеете в таком городе, как Рим, нападать на дома и мастерские! Только осмельтесь кто подступить к моему порогу, клянусь, убью наповал!» Потом, обращаясь к дворецкому, я произнес:

«А ты, негодяй, ты еще командуешь! Так поплатись же первый!»

Дворецкий дал шпоры своему коню и умчался стрелой. Между тем на шум и крики вышли все соседи. Многие из римских граждан и дворян, проходя мимо, кричали:

«Бей разбойников! Мы тебе поможем!» Эти слова произвели эффект, и устрашенные испанцы раз-

бежались. Узнав о происшедшем, епископ взбесился, начал бранить своих людей и офицеров за то, что они позволяют себе такие крайности, а еще больше за то, что, начав дело, не сумели окончить как надо. Он через одного живописца приказал сказать мне, что если я не принесу вазы, то самый большой кусок, который останется от моего тела, будет ухо. Это меня нисколько не устрашило; я отвечал, что иду рассказать обо всем папе.

Наконец, гнев епископа мало-помалу утих. Убедившись в этом, я отправился к нему, заручившись обещаниями многих римских дворян, которые уверяли, что со мной не случится ничего дурного и что я получу причитающиеся мне деньги. Запасшись длинным кинжалом и надев славную кольчугу, я пошел к саламанкскому епископу, который между тем вооружил всех своих людей. Со мной был Паулино; он нес вазу. Наконец, мы явились пред проклятым прелатом: он разразился ругательствами, достойными испанского попа. Я не поднимал головы и ничего не отвечал — это еще более увеличивало гнев его. Между тем, когда принесли письменный прибор, он сказал, чтобы я собственной рукой расписался в получении причитающейся мне суммы.

Я поднял голову и отвечал, что охотно сделаю это, когда он вручит мне деньги. Епископ пришел в ярость; его угрозы и брань были ужасны; несмотря на это я все-таки получил деньги, расписался и вышел оттуда совершенно удовлетворенным».

★

Властителей тогда было много, и они не зевали, если подвертывался случай урвать кое-что у соседа, будь этот сосед — даже сам папа. Войска нужны были всем, но держать их никому не хотелось: затея дорогая. И вот, как сезонники на работу, являлись к герцогам и королям на службу швейцарцы. Нанимались отрядами, иногда по нескольку тысяч человек. Занимались этим промыслом и шотландцы. Спрос на них был: начнет нажимать сосед — кличат швейцарцев и платят им, пока не отобьют нападения. Кончилась война — швейцарцев зовет уже другой князь или король.

Французы поправляли свои дела, громя север Италии под предводительством Бурбона. Испанский король нажимал на юг Франции: он замыслил завоевать всю Европу. И вот вдруг Бурбон двинул свои войска на Рим. Войск у папы не было. Он только что рассчитал их из скупости. Пришлось скликать соседей на помощь, наспех вооружать граждан и своих придворных — попов-кардиналов — толкать на военное дело. Бурбон уже под стенами Рима. Бенвенуто Челлини, конечно, тоже взялся за оружие.

«Все вооружились, — пишет он. — Папа Климент послал просить у Иоанна Медичи вспомогательных войск. Они пришли и начали учинять в Риме такие своевольства, что опасно было оставаться в лавках и мастерских. Папа Климент распустил пять рот солдат, присланных Иоанном. Бурбон, узнав, что в Риме нет войск, тотчас повел к нему свою армию. В таких обстоятельствах всякий из нас вооружился.

Один римский дворянин, Александр дель Бене, ввиду крайней опасности просил меня взять на себя защиту его владений. Я собрал человек пятьдесят надежных и храбрых молодых людей и пришел с ними в его дом.

Войска Бурбона скоро показались у стен Рима. Мы отправились в Кампо-Санто. Там уже кипел ожесточенный бой. Испуганный этим зрелищем, Александр дель Бене хотел бежать, но я стал упрекать его: «Вы

Паулино — мой ученик — отнес вазу к епископу, который захотел оценить ее.

сами привели меня сюда, — следовательно, нужно сделать что-нибудь достойное человека». И, направивши аркебуз в то место, где была большая давка, я метко прицелился в одного воина, который был выше других. За облаком дыма не было видно, был ли он пеший или конный. Мы выстрелили по два раза. Осторожно я стал смотреть через стену и увидел, что между осаждающими произошло необыкновенное замешательство. Один из наших выстрелов убил Бурбона. Это был, как выяснилось потом, тот самый человек, который казался нам выше других.

Оставив наш пост, мы с величайшим трудом пробрались в замок св. Ангела. Когда мы подошли к воротам замка, часть неприятелей ворвалась уже в Рим и преследовала бегущих. Стража хотела опустить решотку, но несколько замедлила, и мы успели войти в замок. Только что я туда вошел, капитан Паллон Медичи принудил меня оставить Александра дель Бене, потому что я, как музыкант папы, принадлежал к дому папы и должен был его защищать. В это же время прибыл в замок и папа. Он не думал, что неприятель мог овладеть Римом и потому не хотел было покидать Ватикан.

★

Итак, я остался в замке защищать папу. Я подошел к пушкам, за которыми присматривал флорентийский пушкарь, по имени Джулиано. Взглянув через зубцы крепости, этот Джулиано увидел, что неприятель разоряет его бедный домишко и мучит его жену и детей; из боязни ранить своих он не решался продолжать стрельбу. В отчаянии он бросил фитиль

и, закрыв лицо, стал горько плакать. Другие артиллеристы сделали то же. Я схватил фитиль и с помощью нескольких людей направил выстрелы туда, где они были нужнее, и таким образом убил большое число неприятелей. Не сделай я этого, неприятельские части, которые в это утро вошли в город, непременно направились бы к замку и овладели бы им, потому что артиллерия не причиняла им никакого вреда.

Я продолжал стрелять. На меня посыпались благословения кардиналов и людей высшего сословия. Довольно сказать, что в это утро я спас замок. Прочие артиллеристы, ободренные мной, заняли свои места. Я стрелял целый день. Наступил вечер, и в то время, когда армия входила в Рим со стороны Трастевере, папа назначил начальником артиллерии одного римского вельможу, по имени Антонио Санта-Кроче. Первым делом Антонио было подойти ко мне, наговорить много лестного и отдать в мое распоряжение пять превосходных пушек, поставленных на самом верху замка и именно в том месте, которое называется Ангелом. Это место владычествует над замком и выходит на Прати и Рим. Антонио дал мне в помощь несколько человек, необходимых для маневров, выдал вперед жалованье, принес мне вина и хлеба и просил продолжать дело так, как я начал.

★

Наступила ночь. Неприятель овладел Римом. Все бывшие в замке, в особенности я, который страстно любил все необыкновенное, — все мы были свидетелями пожара, события столь нового и столь удивительного, что о нем не могут иметь ни малейшего понятия те, которые не были с нами в замке.

Я командовал артиллерией в течение целого месяца, т. е. во все время осады замка. Однажды Антонио Санта-Кроче приказал мне оставить пост, который я занимал, чтобы обстреливать дома возле самого замка, куда вошло много неприятелей. В то время как я выстрелил, неприятельское ядро, направленное на меня, ударило в зубец крепости и к счастью отбило такую часть, которая не могла причинить мне особенного вреда; осколок упал мне прямо на грудь.

Я упал замертво, однако же слышал все, что говорили присутствовавшие. Антонио душевно сожалел обо мне и сказал: «Увы! Мы лишились лучшего нашего защитника!» Один из моих товарищей — флейтщик — прибежал на этот шум: этот человек был более способен к медицине чем к игре на флейте. Он, плача, поспешно отыскал где-то стклянку с превосходным греческим вином, нагрел сковородку и бросил туда горсть полыни, поливая ее вином. Полынь напиталась, и он стал прикладывать ее к тому месту груди, где чувствительнее был удар. Действие этой травы было так сильно, что оно тотчас возвратило мне потерянные силы. Я хотел говорить, но не мог: какие-то дураки-солдаты набили мне рот землей: они думали, что я умираю, и решили причастить меня хотя бы землей. Эта земля причинила мне больше вреда чем самые раны. Несмотря на это при первой возможности я снова с яростью принялся за свою артиллерию и управлял ею со всей ловкостью и скоростью, какие можно только вообразить.

★

Папа Климент послал просить помощи у герцога урбинского, который командовал венецианской армией. Он приказал своему посланнику сказать герцогу, что если в замке всякий вечер на возвышенном месте будут гореть три фонаря и делать три раза по три выстрела, то это значит, что замок не сдался. Мне поручили зажигать фонари и палить из пушек.

Днем я размещал орудия по местам, где находил удобнее и выгоднее. Папа был очень доволен и много благодарил меня за то, что я исполняю свои обязанности со вниманием, какого требовало дело.

В то время как я занимал этот дьявольский пост, меня посещали многие кардиналы, бывшие в замке. Чаще всех приходили кардинал равеннский и кардинал Гадди. Я не раз говорил им, чтоб они не подходили ко мне близко, потому что их красные шапки видны издалека, а тем более с ближайших зданий, например с башни Бини, где был неприятель. Из-за их шапок и я и они подвергались большой опасности. Они не слушались, и кончилось тем, что их заперли, за что они меня возненавидели.

★

Я продолжал заниматься пальбой и каждый день делал хоть один замечательный выстрел, так что приобрел самое благосклонное доверие и расположение папы. Однажды папа, прохаживаясь по бастиону, увидел в Прати испанского полковника, которого он почему-то узнал. Полковник прежде служил у него. Я был у Ангела и ничего об этом не знал. Но я видел этого человека, одетого в красное, который, держа в руках короткую шпагу, распоряжался работами траншей, и подумал, что бы это ему сделать? Я взял кречет, который был близ меня (род пушки, больше и длиннее обыкновенной) и направил его. Потом, прицелившись хорошенько в красного человека, размерил дугу полета ядра. Цель была так далека, что невозможно было, следуя принятым правилам, стрелять по прямой линии из орудия этого калибра.

Я приложил фитиль, и выстрел попал прямо в красного человека, который, по обычаю испанцев, из молодечества сделал знак, будто хочет отпарировать выстрел своей шпагой. Ядро ударило по шпаге, и тотчас же человек разлетелся надвое. Папа, не ожидавший этого, был очень доволен и притом удивлен, потому ли, что ему казалось невозможным попасть так далеко из такого орудия, или потому, что он не мог понять, каким образом этот человек мог быть разорван надвое. Он позвал меня к себе и стал расспрашивать.

Ни он, ни я не могли понять, как это случилось. Став на колени, я стал просить папу отпустить мне это убийство равно как и те, которые я сделал в замке в защиту апостольской церкви. При этих словах папа поднял руку и, перекрестив меня, сказал, что благословляет меня и отпускает мне все убийства, как прошедшие, так и будущие, на служение апостольской церкви. Я удалился и взошел на площадку. Рисование, прекрасные занятия, музыка — все было забыто для упражнений в артиллерии. День и ночь я думал о том, что мне нужно делать для защиты церкви. Однако ж, если я стану украшать рассказ мой всеми подвигами, которые я совершил, то, кажется, никогда не доведу до конца истории моей жизни.

★

Пропущу несколько событий и расскажу, как папа Климент, желавший сохранить свою тиару и драгоценности апостольской камеры, позвал меня и Кавальерино к себе и заперся с нами в особой комнате. Кавальерино был некогда конюхом и происходил из самого низкого звания, но за привязанность свою к папе был награжден от него богатством и особенным доверием. Его святейшество и Кавальерино передали

мне тиары со множеством драгоценных камней и приказали их вынуть, что я и сделал. Потом, завернув каждый камень в особую бумажку, мы зашили их в фуфайки, которые были на папе и Кавальерино. Золото (которого было двести фунтов) они отдали мне и приказали расплавить его, сказав, чтобы все это делалось тайно.

Я удалился в свою комнату, которую мог запереть. Здесь устроил я из кирпичей раздувальную печь и приладил довольно плоский зольник, куда капало мало-помалу золото. Во время плавки золота при мне всегда были две заряженных пушки.

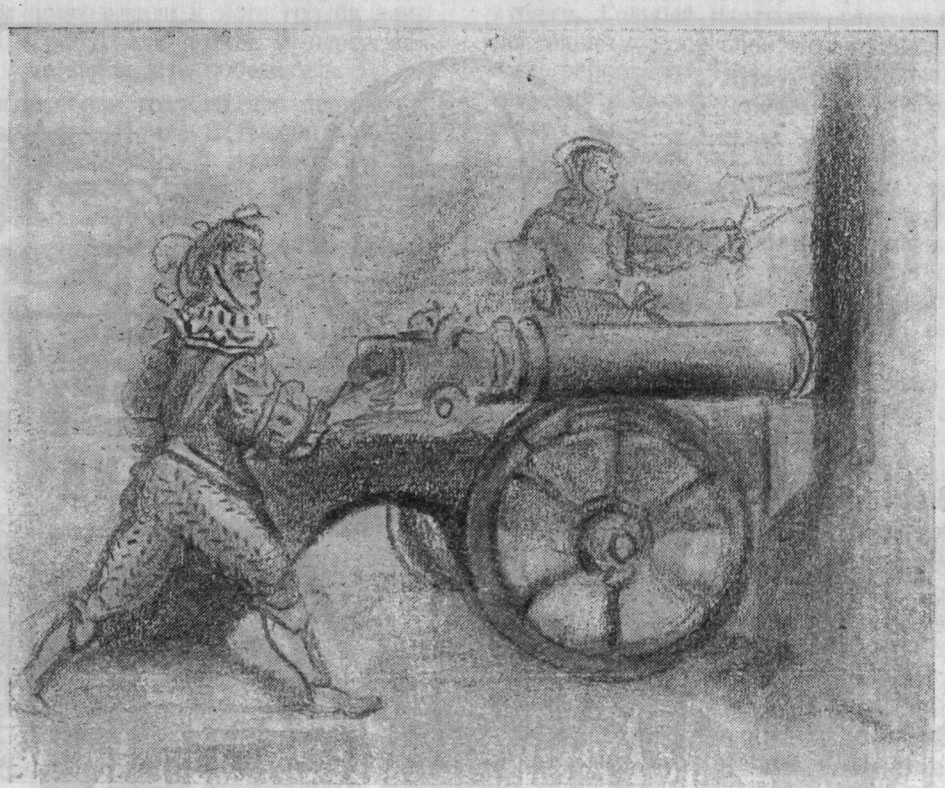
Однажды, перед вечерней, я увидел какого-то офицера, который верхом на муле приближался к траншеям и разговаривал с рабочими. Мне приказано было стрелять поспешней, чтобы этот офицер не успел перейти на правую сторону. Я выстрелил со всею точностью: офицер ранен был в лицо, мул упал мертвый. В траншеях сделалось большое замешательство, я выстрелил из другой пушки и тоже наделал много вреда. Офицер этот был принц оранский. Его перенесли в соседнюю гостиницу. Папа, узнав об этом, позвал меня к себе и расспрашивал о том, как это случилось. Я рассказал ему все и прибавил, что этот офицер, должно быть, — весьма важное лицо, потому что, кажется, все начальники собрались в гостиницу.

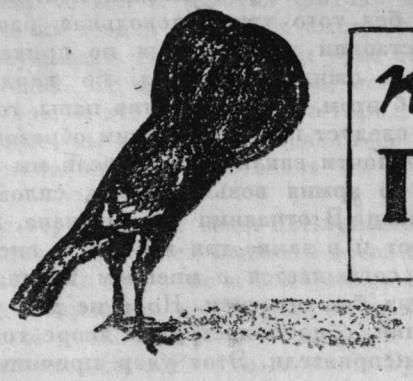
Его святейшеству пришла в голову счастливая мысль: он позвал к себе Антонио Санта-Кроче и приказал ему распорядиться так, чтобы все канониры направили пушки свои на гостиницу и выстрелили разом по первому сигналу. В самом деле, если бы мы перебили всех неприятельских полководцев, то армия, и без того уже недовольная, разбежалась бы. Мы поставили наши пушки по приказанию Санта-Кроче и ожидали сигнала, но кардинал Орсино, узнав об этом, восстал против папы, говоря, что никак не следует поступать таким образом тогда, когда договор почти заключен, что если мы убьем начальников, то армия возьмет замок силой и разрушит его вконец. В отчаянии бедный папа, видя, что ему изменяют и в замке так же, как и вне его, отвечал, что он соглашается с мнением кардиналов.

Приказ был отменен. Но я не мог удержаться и, выстрелив, сбил пилястру во дворе того дома, куда вошли неприятели. Этот удар причинил им столько зла, что они уже готовы были оставить дом. Кардинал Орсино добивался всеми силами, чтобы меня повесили или убили, но папа в этом случае защищал меня с жаром.

Когда золото было переплавлено, я отнес его к папе; он меня благодарил и приказал Кавальерино отсчитать мне 25 экю, извиняясь, что не может дать более.

Несколько дней спустя был заключен договор. Я отправился в Перуджию вместе о Орацио Бальони и тремя стами других молодых людей. Бальони хотел меня оставить у себя на службе и давал под команду целую роту, но по некоторым обстоятельствам я принять ее не мог и сказал Бальони, что хочу прежде навестить отца и выкупить свое изгнание из Флоренции».





крылатые почтари

А. Туриновский

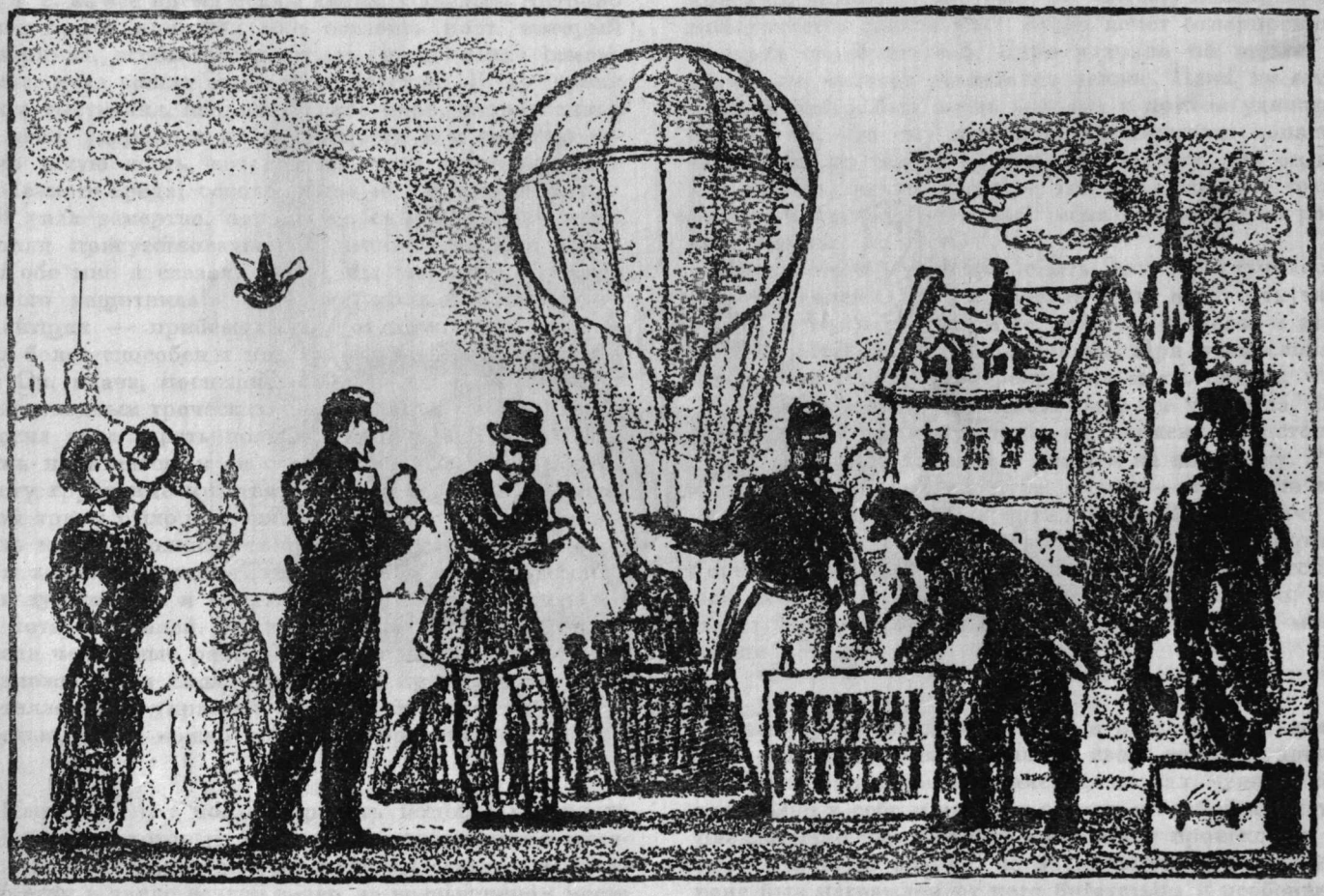
Рисунки В. Цельмера

Только страстные голубятники да ученые голубеводы знают все множество и разнообразие голубиных пород. Спросите у словоохотливого голубятника, какие существуют породы голубей. И он начнет перебирать: «трубачи», «турманы», «дутыши», «якобины», «индианы», «каррьеры», «драконы», «багдеты», «турецкие», «римские», «саксонские», «ирландские», «староголландские», «намюрские», «брюссельские»... И так на целый час.

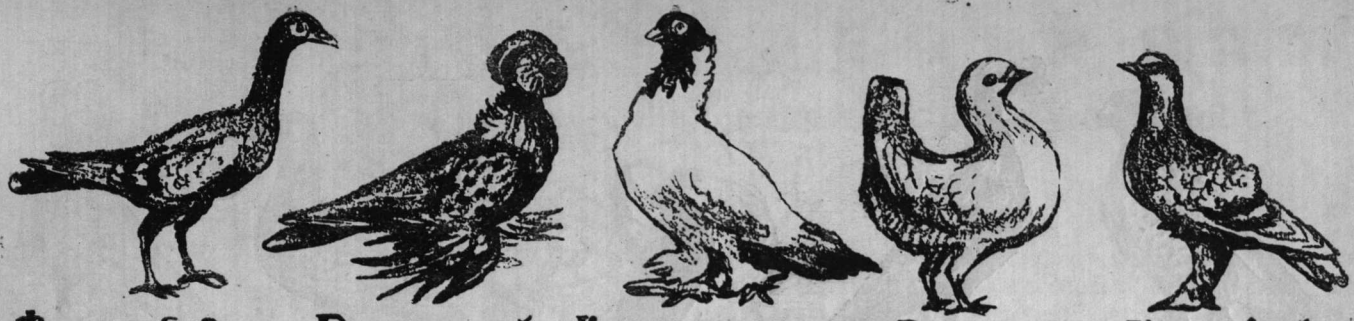
Пород много. Все они резко отличаются друг от друга оперением, величиной, формой тела и полетом, и все они, как утверждает Дарвин, произошли от одного предка — от дикого скалистого голубя.

Еще в древности, 3 тысячи лет назад, люди стали приручать, одомашнивать дикого полевого голубя. Приручить его было нетрудно: голубь — ласковая, доверчивая птица и очень легко привыкает к человеку. Лучшими голубями — с красивым оперением, с своеобразным или быстрым полетом — дорожили больше других. Их отбирали, скрещивали между собой. Родились голубята иногда красивее и лучше своих родителей, иногда хуже. Лучших опять отбирали и скрещивали. И таким образом отбором и скрещиванием в течение многих лет вывели непохожих друг на друга трубачей, дутышей, каррьеров и т. д.

В те же давние времена была выведена особая порода голубей, которые называются «почтовыми». В древности не было ни телеграфа, ни телефона, ни радио. Письма, приказы и указы посылались с пешими или конными гонцами, вестниками. Гонцы не отлича-



Парижане нагрузили на аэростат 363 голубя с депешами и отправили из Парижа в провинцию.



лись особой быстротой, а потребность в быстрых способах сообщения была и тогда.

И вот древние народы обратили внимание на голубей. Они заметили, что голуби обладают очень быстрым полетом (от 60 до 100 километров в час), необыкновенной выносливостью и еще одним удивительным свойством: если голубя, привыкшего к голубятне, завезти даже на очень далекое расстояние, то он при первой же возможности возвращается к своему гнезду, на голубятню. Значит, уезжая из дома в соседний город, можно взять с собой ручного голубя, в городе написать письмо, привязать его к ноге или шее голубя и пустить. Голубь прилетит домой, на голубятню. Домочадцы отвяжут письмо и прочтут. Механика нехитрая!

И вот греки и римляне стали употреблять голубей сначала как гонцов, вестников. Отправляясь на олимпиаду, они брали с собой голубей и тотчас же после окончания олимпиады привязывали к ноге голубя ленту цвета победителя и отпускали домой. И через несколько минут дома уже знали, кто победитель.

А потом уже приспособили голубей для пересылки депеш военного содержания. Почти 2 тысячи лет назад, во время осады города Модены (в Италии), консул Гирциус сносился с комендантом города Децием Брутом с помощью почтовых голубей.

Голубиная почта широко применялась не только в древнем Риме и Греции, но и в древней Иудее, Египте, Китае и Персии.

Для того чтобы оградить своих крылатых почтарей от воздушных бандитов — ястребов, изобретательные китайцы придумали очень хитроумное приспособление. К хвосту почтаря они привязывали тоненькими ремешками очень легкий приборчик из шести бамбуковых дудок. Голубь взлетал—и раздавался такой пронзительный свист, что все крылатые от него шарахались всторону.

Наибольшего расцвета голубиная почта достигла в Египте в XII веке, при могущественном султане Нур-Эддине. Нур-Эддин покорил весь Египет с прилежащими странами. И вот, для того чтобы лучше управлять своим обширным государством, он приказал по всей стране построить каменные башни для почтовых голубей. Этими почтовыми станциями управляли директора, которые пересылали Нур-Эддину с голубями срочные депеши.

Такие же почтовые станции были когда-то почти во всех городах Персии.

В XII веке, после крестовых походов, крестоносцы и голландские моряки с Востока завезли почтовых голубей в Европу. И почтовые голуби стали быстро распространяться по всей Европе. Особенно страстными голубеводами оказались голландцы и бельгийцы, которые вывели новые породы почтовых голубей.

Все большее и большее значение приобретала голубиная почта. В начале XIX века, в 1818 году, в Лютихе организовалось первое общество голубиного спорта, которое впервые стало посылать голубей на большие расстояния и добилось блестящих результатов. Голуби оказались необыкновенно выносливыми птицами. Они перелетали из Парижа в Лондон и даже из Брюсселя в Рим через Альпы (тысяча километров). Таким образом организовалась международная голубиная почта.

В Англии и Америке всеобщая погоня за «свежими» и сенсационными новостями навела газетных репортеров на счастливую мысль: использовать почтовых голубей для пересылки корреспонденций в редакции газет. И вот при каждой редакции были выстроены голубятни с хорошо выдрессированными почтовыми голубями. Голубей партиями отвозили в разные города постоянным корреспондентам. Выдавали их ежедневным репортерам, которые собирали всевозможные сведения о пожарах, кражах, судебных процессах по городу.

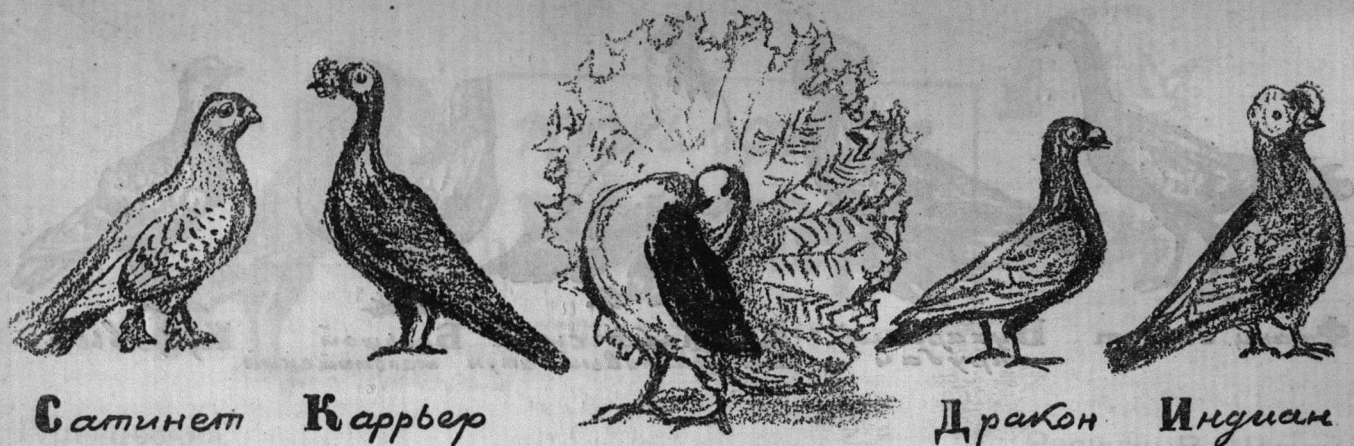
Вот судебный зал. Важные судьи сидят за столом и судят. На скамье подсудимых под стражей взволнованный, бледный преступник. «Сенсационное дело» привлекло в зал суда огромную толпу любопытных. С горящими глазами они внимательно следят за процессом. Тут же, где-то всторонe, сидит газетный репортер и пишет, пишет статью. Суд окончен. Расторопный репортер быстро достает из корзинки голубя, привязывает к шее или к ноге свою статейку и выпускает голубя в окно — и голубь стремглав летит в свою голубятню над редакцией.

Вот он сел, входит в летик, наступает на порожек — и тотчас же внизу, в редакции, раздается пронзительный звонок. «Ага! Прилетели новости!» Из редакции бегут на голубятню и снимают с голубя «сенсационные новости».

Таким же способом во время Французской революции 1848 года все антверпенские и брюссельские газеты получали «последние новости» из Парижа.

Почтовых голубей держали на маяках и посылали в ближайший порт или город с тревожным известием о гибнущих в море судах. Часто и сами моряки брали голубей с собой в плавание.

А на острове Уист один остроумный доктор брал с собой корзину с голубями во время своих ежедневных обходов больных. Придет к больному, осмотрит, напишет рецепт, привяжет рецепт к ноге и пустит голубя домой. А дома его помощник по этим рецептам, не теряя времени, готовит больному лекарство. И этой



хитроумной выдумкой он спас, вероятно, не одну жизнь.

С изобретением телеграфа, казалось бы, голубиная почта должна была утратить всякий смысл и навсегда исчезнуть. Но это не так, и это блестяще доказала франко-прусская война.

В 1870 г. прусская армия внезапно вторглась во Францию, заняла ряд городов и провинций и, наконец, осадила Париж. Занимая города, пруссаки прежде всего захватывали телеграф и тем самым нарушали всякую связь Парижа с провинциями.

Парижские войска и жители, окруженные неприятелями, оказались в самом стесненном положении. Телеграф разрушен. Как им установить связь с провинциями? Испробовали самые различные способы. Депеши клали в пробковые бутылки и бросали их в Сену в надежде, что они минуют прусские сети и попадут в сети французских рыбаков. Пытались наладить связь с помощью аэростатов. В течение четырех месяцев был построен 61 аэростат, из них 57 были посланы с депешами, но на аэростатах можно было доставлять депеши из Парижа в провинции, а из провинции в Париж не удавалось. Придумали использовать собак-овчарок. Посадили их на аэростат, вывезли в провинцию, привязали им на шеи депеши и пустили, но овчарки в Париж не вернулись.

Выручили опять-таки почтовые голуби и фотограф Дагрон, который изобрел новый способ изготовления микроскопических депеш. Фотоаппаратом Дагрон на одном листке снимал до 3 тысяч депеш, и эти листки были так легки, что один голубь без всякого труда мог снести до 18 штук. А читали эти депеши через микроскопы. И вот парижане нагрузили на аэростат 363 голубя с депешами, фотомикроскоп Дагрона и отправили из Парижа в провинцию.

Через некоторое время голуби вернулись в Париж и принесли, к великой радости парижан, вести из провинции. Связь с провинцией установилась. За все время осады голуби доставили в Париж 115 тысяч депеш. Их ждали с нетерпением, и для чтения их были устроены общественные читальни, куда толпами сходился народ и читал вести из провинции с помощью волшебного фонаря.

После снятия осады голубей в награду за их услугу парижане поместили в особом доме, и долгое время эти голуби содержались за счет «признательных граждан Парижа».

Во время войны 1914 — 1918 годов во французских, английских и американских войсках было 30 тысяч почтовых голубей. Вместе с войсками они колесили по фронту в передвижных голубятнях. Но к чему они? Ведь тогда уже были телеграф, телефоны и даже радио!

А вот зачем. Артиллерия противника разрушает телеграфную, телефонную связь, радио тоже испорчено или шифр известен противнику, световые сигналы не видны в тумане или за дымовой завесой, и вот тут-то неоценимую услугу оказывали голуби. Они летели под ураганным огнем противника, сквозь туман, сквозь дымовую завесу, сквозь удушливые газы. Среди них были такие, подвиги которых отмечены в официальных приказах.

Американский голубь «Насмешник» с разбитой головой и раненым глазом прилетел в свою часть и принес важное донесение о передвижении войск противника.

После войны в Париже некоторым голубям воздвигли памятники, а некоторых наградили французскими военными орденами.

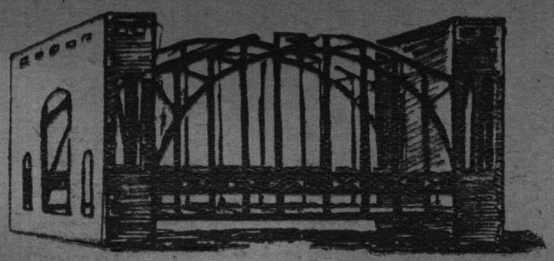
А в будущей войне будут ли иметь какое-нибудь значение почтовые голуби? Несомненно, не меньшее чем во время империалистической войны. Вместе с танками, пулеметами и пушками на фронт выедут и передвижные голубятни.

Осоавиахим уделяет большое и самое серьезное внимание разведению почтовых голубей. Нашим читателям тоже следовало бы научиться разводить и тренировать почтовых голубей. Пионерские лагери с помощью голубей могли бы установить постоянную связь, а это и интересно, и это была бы серьезная и настоящая помощь Осоавиахиму — обороне нашей страны.

Почтовый

Ц. 1935 г.
Акт № 86
Вкладн. л.

Цена 30 коп.



СДЕЛАЙ САМ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ МОСТ

С. Б.

В 1934 году в № 20 журнала «Пионер» было описано, как сделать самому железную дорогу, паровозы, вагоны и вокзал. Кто построил себе такую железную дорогу и она сохранилась от прошлого года, тем в нынешнем надо дополнить и расширить строительство, продолжить путь и построить на лежащих на пути реках мосты.

Большой железнодорожный мост выпиливается из фанеры по рис. 1 таким же способом, как приготовлялся вокзал, т. е. надо начертить на очищенной шкуркой фанере сантиметровую сетку и вчертить в нее контуры рисунков.

Ферма моста 1 выпиливается два раза и лучше сразу; для этого складывают две фанерки, сбивают их в нескольких местах гвоздиками и лобзиком выпиливают обе доски по рисунку, нанесенному на верхней. Так же по два выпиливаются детали 4 и 5; детали 2 выпиливаются четыре штуки, деталь 3 — с окошками АА и ББ по две и еще две такие же, но без окошек.

Все эти выпиленные детали дадут одну мостовую ферму. Гораздо интереснее мост получается двухфермный; тогда детали № 1 надо выпилить еще две штуки, детали 2 — две, детали 3 — две (с окошком и без окошек), детали 4, 5 и 6 — еще по одной.

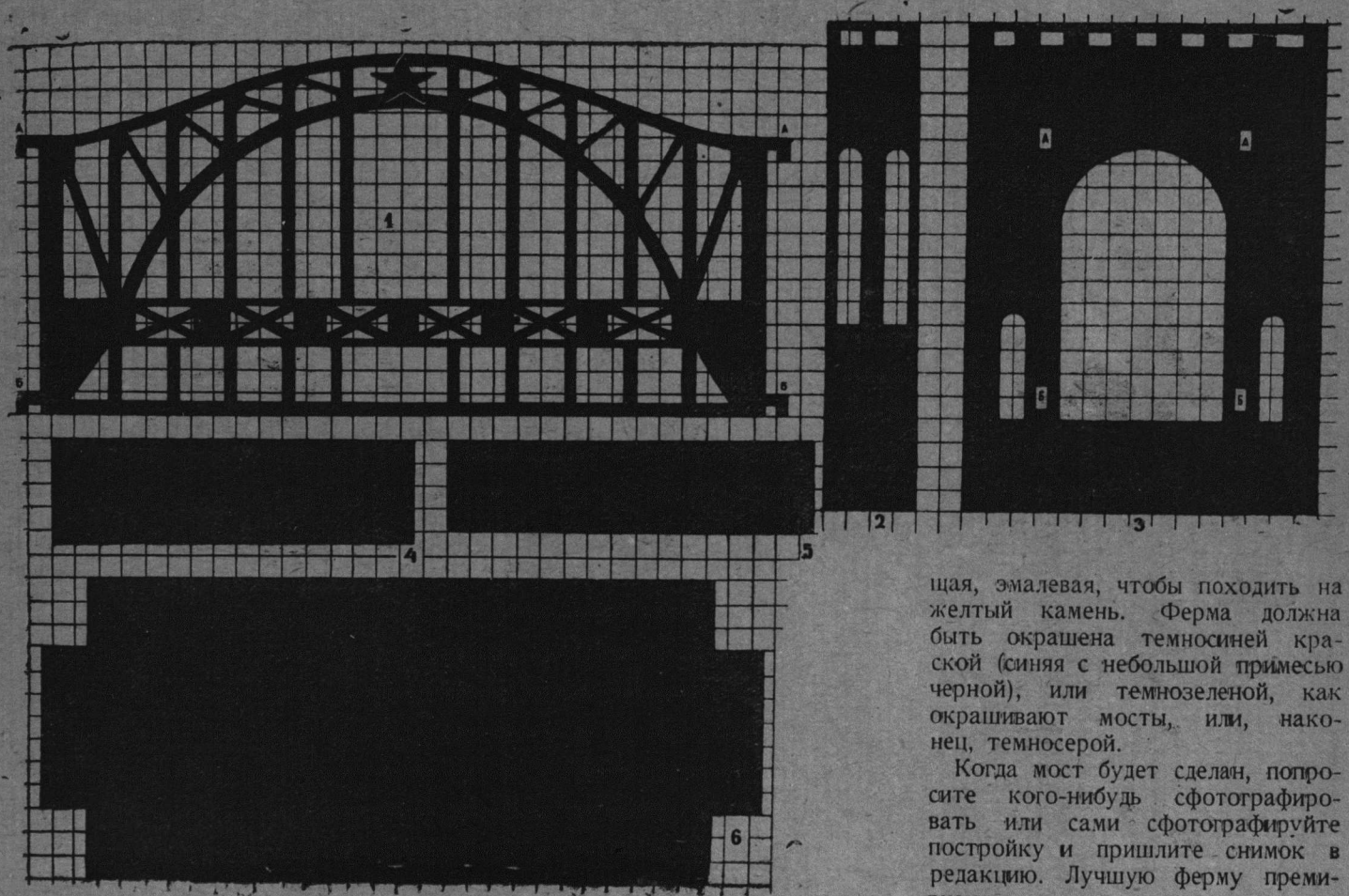
Собирают мост таким образом: склеивают на угольниках, как показано в разрезе на рис. 7, устои моста ввиде плоского ящика со сторонами 2-2 и 3-3 и с крышей 4, которая набивается сверху маленькими гвоздиками в угольники.

В этих устоях на уровне линии ВВ вклеивается дощечка 5. Железная ферма крючками АА и ББ входит в окошки АА и ББ детали 3 и создает ферму моста, настил которой (деталь 6) входит в пролеты и ложится на вклеенную дощечку 5.

Вторая ферма, если она сделана, примыкает к одному из устоев с другой стороны такими же крючками А и кончается новым устоем из повторения деталей 2, 3, 4, 5 и 6.

Настил моста возвышается над землей на 4 сантиметра. Поэтому к мосту должна идти земляная насыпь такой же высоты, но может быть сделана и выше, если под устои еще подстроить фундамент из кирпича — по одному под каждый устой, тогда под мост могут проходить суда большой высоты.

Устои надо выкрасить кремовой краской (белая с примесью желтой); краска должна быть блестящая, эмалевая, чтобы походить на желтый камень. Ферма должна быть окрашена темносиней краской (синяя с небольшой примесью черной), или темнозеленой, как окрашивают мосты, или, наконец, темносерой.



Когда мост будет сделан, попросите кого-нибудь сфотографировать или сами сфотографируйте постройку и пришлите снимок в редакцию. Лучшую ферму премируем.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдано в набор 19/IV-35 г., подписано к печати 29/IV-35 г. Изд. № 566. формат 62×94 см. 1½ б. л. 135.009 п. зн. в бум. л

Уполномоченный Главлита № Б—4360 Заказ № 964 Тир. 50.000.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 6.

Цена 30 коп.

М4021